84(2Рос=Рус)6
К 3-38

ЗАХАРОВА

СКАЗКИ

города Детства

Галина Захарова

Сказки города Детства

-0138892-

Ханты-Мансийск
2011

Государственная библиотека Югры
КО

ББК 84
З38

З38 **Захарова Г.В.**
Сказки города Детства. — Ханты-Мансийск:
ОАО «Издательский дом «Новости Югры», 2011. — 108 с.; с ил.

ISBN 978-5-4422-0001-0

© Захарова Г.В., 2011

К читателю

... Мой родной город — Ханты-Мансийск. Я помню его совершенно другим, не таким, как сейчас. Зеленым, деревянным, «тихим, как сон», с неповторимым запахом земли и дождя — летом. С органом бесконечных, царственных синих дымов на розовом небе — зимой. С чумазыми лужами, в которых купались воробьи и весеннее солнышко; с хрустальными «окошечками» на этих лужах осенью. С лохматыми друзьями детства — кошками, собаками и лошадьми.

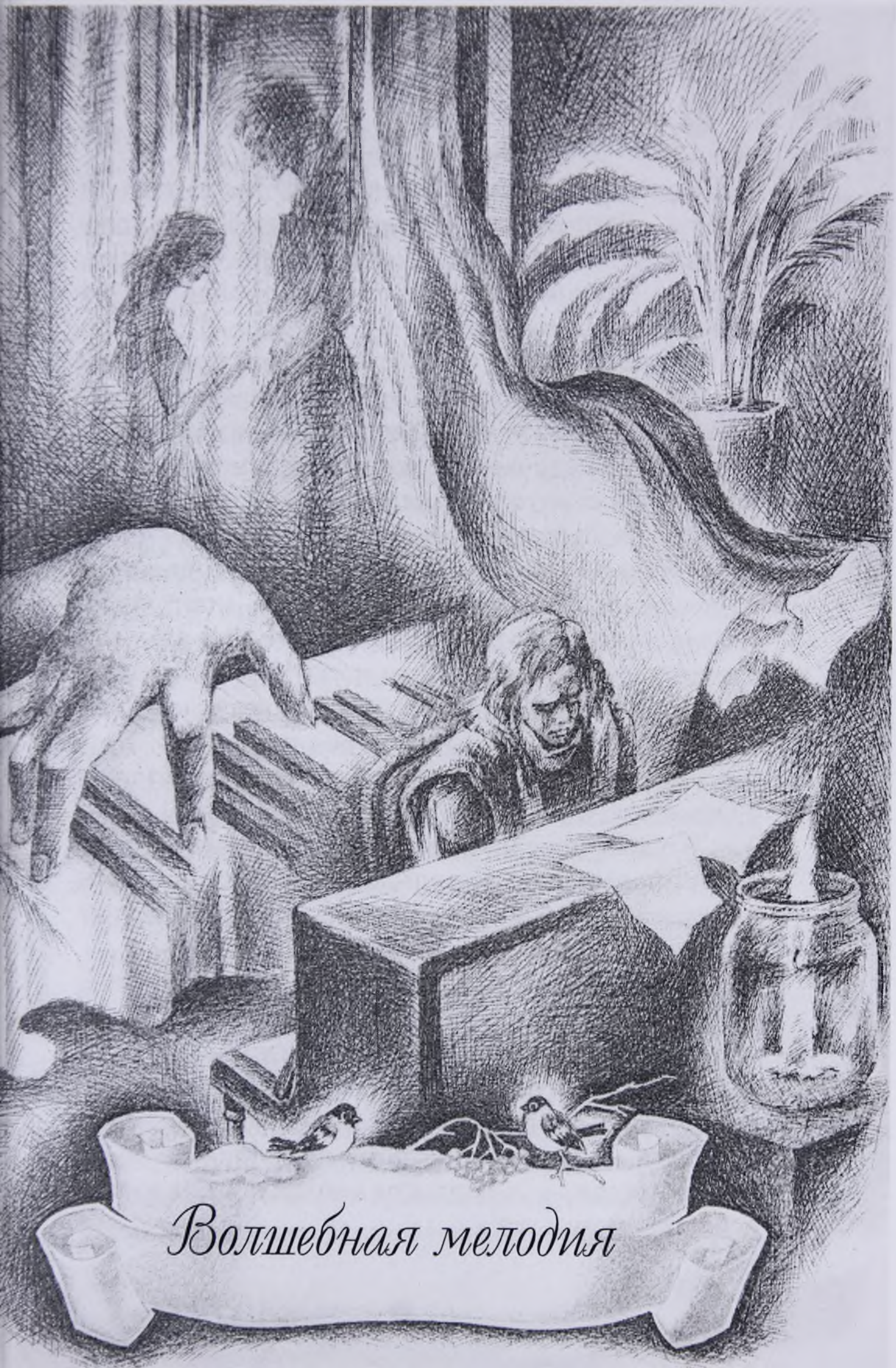
Ханты-Мансийск, Ханты-Мансийск... Мой великий труженик. Мудрец. Мой волшебник. Мой сказочник. С удивительно чистой, искренней, трогательной и верной Душой...

Тебя давно нет, города нашего Детства, но мы, поколение мальчишек и девчонок середины прошлого века, помним тебя и бесконечно благодарны судьбе, что родились именно здесь; за то, что ты подарил нам то, что не купишь ни за какие богатства мира — свою Душу.

В память о тебе и в благодарность — эти Сказки города Детства.

С любовью, Галина Захарова

Друг любезный,
кашу кушай,
а сказку слушай:
умом - разумом смекай,
да на ус мотай!



Волшебная мелодия

На окнах старого деревянного дома висели шторы. Шторы как шторы. Ничего особенного. Тюлевые. С изображением оленей на канве. Хозяйка любила их и украшала ими окна только по большим праздникам.

Так получалось, что в основном эти праздники приходились на зимнее время, когда на дворе трещали морозы, а окна с двойными рамами были полностью заморожены: искристая изморозь так и играла на них затейливым узором.

Эта необыкновенная история произошла как раз в один из таких дней. Гости уже расселись за круглым столом в большой комнате, именуемой залом, чтобы отметить вместе очередное торжество, как неожиданно погас свет. Подобные сбои в работе местной электростанции случались тогда нередко.

— Зажгите скорей свечи! – посоветовал кто-то хозяйке.

И она принесла из кухни обыкновенную белую стеариновую свечу, отдаленно напоминавшую кусочек толстой весенней сосульки, поставленной в пустую пол-литровую банку.

Комната и гости, минуту назад казавшиеся такими привычными и будничными, неожиданно преобразились: стали загадочней и таинственней. А на потолке и стенах заплясали фантастичные тени, и кто-то из гостей вопреки привычному этикету — начинать застолье с салатов и бутербродов — вдруг предложил: «Давайте послушаем музыку!»

К старому черному пианино, скромно стоявшему возле одной из стен, придвинули кресло с таким же старым седым человеком. Он один умел играть. И, говорят, в свое время владел инструментом виртуозно.

— Просим! Просим! – гости застыли в ожидающих позах.

Старик, подняв крышку пианино и обведя взглядом клавиатуру, молча потер руки — длинные, несколько худые, нервные артистические пальцы. И...

Произошло чудо. Комната ожила, наполнилась сочными звуками нежной и солнечной мелодии – румбы. И вмиг забылись трескучие морозы и неприятности по службе, былые обиды и ссоры. И не было ни старика, ни круглого стола с банальной закуской, ни хозяйки, ни гостей. Было одно: торжество гармонии, жизни, красоты и любви...

Неизвестно, что стало тому причиной, но один из оленей на тюлевой шторке вдруг ожил. Он обвел кротким взглядом собравшихся, а затем ударил копытцем по тюлевым снежинкам – насту, и... Превратился в полупрозрачную красивую девушку — Оленю. В легком, полувоздушном платье, с длинными, льющимися по плечам волосами.

Гости зачарованно смотрели на неожиданную гостью. Но этим дело не кончилось. С одного из окон, как из снежного волшебного терема, сошел такой же юный, полупрозрачный витязь. В сверкающем всеми цветами радуги камзоле, невысоких легких сапожках. Звали его Морозец. И влюбленные – а это было видно

сразу – слились в красивом и трогательном танце.

Старик играл и играл, и волшебная музыка румбы все больше и больше зачаровывала и околдовывала всех.

Но в самый неподходящий момент дали электричество. Зажегся свет. И сказка исчезла. Застучали вилки, ножи. Послышались будничные шутки и смех.

Странно, не правда ли? Ведь девушку и витязя видели все, и разве можно было вот так, сразу, переключиться с этого волшебства на застолье? Оказывается, можно. Гости были взрослыми, не верили в чудеса, и каждый из них думал, что это привиделось только ему...

Только старик в своем потертом кожаном кресле, с неожиданно помолодевшим и счастливым взглядом, не отрываясь, смотрел то на окно, то на шторы с оленями. И какая-то невидимая таинственная связь соединяла его в этот момент со всем происшедшим.

Но праздник вскоре закончился, и гости разошлись. Черное пианино замолчало: оно не умело играть само по себе. И потянулись серые, однообразные будни.

...В один из дней к хозяевам дома заглянула милая симпатичная девчушка лет двенадцати. Она училась в музыкальной школе, но своего пианино в их семье не было, и ее родители договорились с владельцами нашего пианино, чтобы дочка иногда занималась у них.

Старик-пианист научил ее играть румбу, и в перерывах между обязательными этюдами и гаммами она с чувством играла нежную и трогательную мелодию этого красивого южного танца. И снова девушка-олень на шторке оживала, а юноша-витязь приглашал ее на танец.

Но, в отличие от взрослых, девочка не стала скрывать, что видит танцующих. И они познакомились.

— Послушайте, — обратилась как-то девочка к Олене с Морозцем. – А ведь вы очень любите друг друга. Не всю же жизнь вам ждать, когда кто-нибудь заиграет румбу и вы сможете ее станцевать. Быть зависимым от чего-то — глупо. В конце концов, это когда-нибудь может просто надоесть. Или состарятся шторы, а вместе с ними Оленя. И окна в доме могут заменить, и терем Морозца растворится. Пианино могут продать...

Оленя с Морозцем остановились, как вкопанные. Они никогда не задумывались об этом. Слова девочки смутили и встревожили их.

— Что же нам делать? – в один голос спросили влюбленные.

— Бежать. Куда-нибудь вместе бежать. И ничего не бояться. Пусть даже ваше путешествие будет непростым и долгим. Зато вы узнаете, как прекрасна земля, как много всего интересного на ней.

...Когда в доме все стихло и наступила ночь, Морозец спустился из своего искрящегося снежинками оконного терема к Олене и спросил, согласна ли она путешествовать вместе с ним?

— Конечно, согласна! – взволнованно прошептала девушка. – Только давай подождем денька два, чтобы я как-то настроилась и приготовилась к этому. — Морозец не возражал.

Но проходил и день, и два, и больше, а кроткая Оленя все не решалась отправиться в дальнее путешествие, все переносила и переносила его сроки.

И так получилось, что однажды летом хозяева переехали в новый каменный дом. Они не стали брать с собой старые вещи, а выбросили их. К счастью, шторы с оленями избежали этой злой участи: их взяли. Только положили на дно сундука, который вынесли на балкон.

Морозец был в отчаянии. Он навсегда потерял любимую!

Неужели им больше никогда не суждено быть вместе?

Оленя, в свою очередь, горько плакала от безысходности в своем темном пристанище, понимая, что в этом была и ее вина.

...Прошло три года. Все это время Морозец повсюду искал любимую. Он тщетно всматривался в светящиеся южным солнцем вечерние окна (зимние дни на севере коротки, темнеет рано) и грустно вздыхал: штор с оленями нигде не было. Не слышно было и их любимой Румбы. Все чаще и чаще окна домов украшали безликие одинаковые жалюзи, а вместо живой музыки доносились красивые, но какие-то искусственные «пустые» звуки телевизоров или радио.

Но наш герой не сдавался. Однажды, пролетая через заснеженную березовую рощу, он услышал чей-то жалобный писк: «Помоги мне, Морозец!» И увидел запутавшегося в ветках красногрудого Снегиря.

— Что случилось, дружок? – участливо спросил Морозец, подлетая к нему.

— Вот, — бедолага выглядел просто несчастным. – Мое крыло застряло в ветках. И я могу погибнуть, если к заходу солнца не освобожусь. Ведь я не простой Снегирь, а волшебный. Наш старший брат Ясное Солнышко отпускает нас только до своего заката. И мы резвимся на воле, лакомясь вкусными почками и сладкой рябиной. Если мы опоздаем или не вернемся к сроку домой, то погибнем. Помоги мне, милый Морозец, и я выполню три твоих самых заветных желания.

— Что ты, что ты! – засмеялся бескорыстный

Морозец, освобождая Снегиря. – Не надо мне ничего. Хотя... Если это в твоих силах, помоги мне найти мою Оленю! Вот оно, самое заветное мое желание.

Снегиришка согласно чирикнул, расправил освободившиеся крылышки, прихорошился и со словами «лети за мной!» вместе с Морозцем устремился в небесный простор.

Прошло не так много времени – ведь городок, в котором происходили эти события, был совсем маленьким – и Морозец со Снегирем оказались возле высокого каменного дома, мимо которого Морозец не раз пролетал.

— Здесь и живет твоя Оленя, — сказал Снегирь. – Только живет не на тюлевой, красивой шторе, как думал ты, а в темном сундуке на балконе. И чтобы вызволить ее оттуда, надо...

В этот момент последний луч солнца осветил Снегиря, и он, не успев закончить фразу, вдруг скрылся из виду, превратившись в почти неразличимую темную точку на горизонте.

Морозец вздрогнул. Что же теперь делать? Но главное, конечно, то, что он узнал, наконец, где живет его любимая! И взволнованный от предстоящей встречи с ней, — в этом Морозец ни секунды не сомневался! – он решительно вошел в искрящийся затейливой изморозью терем балконного окна.

Но выйти просто так из своего заточения - сундука Оленя не могла. Бесполезно было даже звать ее. И Морозец стал думать-гадать, как поступить...

Целую ночь он молча просидел на крыльце своего волшебного терема, ломая голову, да так ничего и не придумал. И задремал.

Когда же занялась заря, Морозца разбудил

неясный тихий стук. Тук-тук! Тук-тук! Тук- тук! Как будто влюбленное сердце Морозца стало усиленней биться. Но это было не сердце. Это был Снегиришка! Он прилетел к другу, как только его отпустил старший брат Ясное Солнышко! И своим маленьким клювиком пытался разбудить влюбленного. Они крепко обнялись.

— Чтобы вызволить Оленю, – серьезно сказал Снегиришка, – надо, чтобы заиграла ваша мелодия.

— Но где же я возьму ее? – огорчился Морозец. – Ведь старое пианино продали, а сам я не умею играть...

— Не горюй! Мои двоюродные сестры – Снежинки – взялись помочь вам. Весь день сегодня они будут разучивать вашу любимую с Оленей мелодию – солнечную Румбу. А вечером, когда зайдет солнце, начнется Праздник Большого Снегопада. И они сыграют, споют и даже станцуют для вас вашу Румбу. И вы снова будете вместе! Друзья не бросают в беде.

Морозец не знал, как и благодарить друга.

...Когда наступил вечер, на землю тихо стали опускаться большие красивые снежинки. Они опускались так медленно и так мягко, как будто сама нежность струилась из бархатного бездонного черного купола неба. И радовала, и удивляла прохожих.

Наступал Праздник Большого Снегопада. И многие из людей, особенно дети, подставляли снежинкам лица или ловили их на варежки. А снежинки все падали и падали, на лету вращая своими пушистыми пачками-юбочками, как у балерин, и издавая тонкую, едва уловимую мелодию.

...Румба! Морозец сразу же, по первым звукам, узнал ее, нежную мелодию их с Оленей любви. И – тук-тук, тук-тук – на сей раз учащенно забилось именно его сердце!

Тяжелая крышка старого сундука на балконе распахнулась сама собой, и из него – Морозец не мог поверить своим глазам! – вышла по-прежнему юная полупрозрачная Оленя. И ее восхитительные длинные волосы все так же струились по плечам. И кроткий добрый взгляд по-прежнему волновал душу.

— Любимая! – только и смог вымолвить счастливый Морозец.

* * *

...Когда однажды хозяйка решила прибрать на балконе и открыла старый сундук, то с удивлением обнаружила, что старые шторы, доставшиеся ей в наследство еще от бабушки, вдруг «потеряли» на канве одного из оленей. «Странно, — подумала Хозяйка. – Отстирались, что ли? Красивые были шторы. А впрочем, не все ли равно? Ведь они отслужили свой век». И почему-то грустно вздохнув, положила их обратно, на дно старого сундука.

...А что же Морозец с Оленей? Их после этого никто никогда не видел. Лишь иногда, зимой, когда приходит Праздник Большого Снегопада или прилетают снегири, ребятишки прислушиваются к чему-то своему. Может, они слышат нежную мелодию Румбы? Или понимают то, о чем толкуют красногрудые веселые птицы? Интересно было бы узнать об этом... Правда?

Конец

Булькин дневник, или В стране Муравьев

(в переводе ее хозяйки)

Государственная библиотека Югры
КО
0133892

Лето. Днем, когда мне было грустно

Вот все говорят: «Собака – лучший друг человека!» Собака – лучший друг... А на деле? Когда я в детстве пыталась пробовать «на зубок» хозяйский башмак – до этого ведь мне никто не говорил, что это плохо – все сразу охали-ахали: какая, мол, Буля невоспитанная собачка!

А в другой раз? Пошли мы с хозяевами в лес. А там! Ну, да. Мне сразу «крышу снесло» от впечатлений: птички разные, белки, бурундучки... И мои хозяева потерялись. Вернее, я их потеряла. Но ведь я же не осталась в лесу! Знала, что они разнервничаются, и сразу прибежала домой, чтобы их дожидаться.

А они как пришли: «Ой, Буля, невоспитанная собачка!» Ну сколько можно терпеть? Вроде, люблю их до безумия, и они меня. А вот раз – и хоть плачь... Ну да ладно. Дело это, как говорится, прошлое. А то, что человек – лучший друг собаки, я убедилась сама. Спросите, как? Ну, тогда слушайте!

(Следующая страница запачкана косточкой и наполовину вырвана).

Лето. Днем, когда я зарыла косточку и не смогла ее найти. А потом познакомилась с муравьем Евлой

Эта история произошла прошлым летом, когда мы целый месяц отдыхали на даче. В основном отдыхала, конечно, я, а все остальные – трудились в поте лица. Грядки там разные, цветочки-

лепесточки... Другое дело, если б на этих грядках сосиски росли, ну, или, допустим там, котлеты. А то с утра и до вечера: поливка – прополка, поливка – прополка. Не понимаю...

Ну вот. Лежу я как-то в тени, наблюдаю за этими «тружениками полей и огородов». Скучновато, конечно. И обидно: зарыла утром косточку и не смогла ее найти. Мне ведь с дачи – ни-ни. А тут рядом – муравьиная тропа. И по ней муравьишки — коричневые, маленькие, с умными такими глазками – туда-сюда, туда-сюда. Деловые! Мне даже стыдно стало: они такие маленькие, а все что-то делают. Лишь я «воздух пинаю». Нет, думаю, я тоже умею пользу приносить! Тявкнула раза два-три, чтоб ясно было, кто на даче сторож.

И... вдруг слышу чей-то голосок – бодрый такой: «И чего разлаялась? Оглушила всех!»

Оглянулась – никого. Снова тявкнула, потише.

«Ты что, особого приглашения ждешь, что ли?» — проворчал знакомый голосок. И только тут я разглядела перед собой. Ну да. Самого настоящего муравьишку, бесстрашно стоявшего перед самым моим носом, руки- в -боки, вернее, лапки, и смотревшего мне прямо в глаза.

— Собственно, почему бы и не полаять? – возмутилась я такой наглости. – Это – мой участок. Что хочу, то и делаю.

— А рядом с твоим участком – мой дом, наш муравейник. И там сейчас сончас у наших куколок. Как ты думаешь, приятно им отдыхать под твое гавканье?

«Наверно, неприятно», — подумала я. А вслух ответила:

— Какие такие куколки? Не сочиняй! У моей маленькой хозяйки все куколки сидят на диване. И никакого сончаса у них нет.

Муравьишка засмеялся:

— Неверующий ты Фома! Так наши-то куколки – не такие, как у людей. Они – наши дети. Живые. Только будущие.

Я сначала хотела обидеться за Фому, но потом раздумала:

—А как это — будущие? Можно мне их увидеть?

Муравьишка задумался:

— Вообще-то вход туда посторонним запрещен. Даже мы, муравьи-фуражиры, ну, те, что добывают пропитание, не все имеем доступ в это место. Но так и быть. Чтоб ты удостоверилась, что я не сочиняю – хотя сочинять я иногда люблю

— и не лаяла, как сумасшедшая, я покажу тебе наш детский сад и куколок! Только учти, после того, как ты увидишь наш муравейник и наших куколок, ты навсегда забудешь муравьиный язык.

Тут муравьишка подполз ко мне поближе и, достав из маленькой черной сумочки, висевшей у него на поясе, какой-то пузырек с пахучей жидкостью, капнул этой жидкостью мне на лапу.

«Что это?» – не успела подумать я, как все вокруг закружилось и стало меняться на глазах: деревья, грядки, люди. Даже мой новый знакомый. Они росли и превращались в настоящих великанов. Я же, как будто наоборот, уменьшалась и уменьшалась. Мне стало трудно дышать... По-видимому, начала действовать эта волшебная муравьиная жидкость.

— Эй, что с тобой? – передо мной стоял муравьище почти с меня ростом и голосом моего нового знакомого успокаивал: – Ну, скажи на милость, как же ты собиралась попасть к нам в гости, в муравейник? Во-первых, будь ты какая есть, ты бы попросту разрушила наш дом. А во-вторых, чужаков у нас не жалуют, и если бы мои братья и сестры по запаху почувствовали, что ты чужая, они бы попросту разорвали тебя на части или, в лучшем случае, выгнали.

— Успокоил, — огрызнулась я. Но любопытство к изменившимся обстоятельствам было настолько велико, что я, обнюхав себя и почесав за ухом («Эх, была не была!»), примирительно протянула муравью лапу. – Ну, тогда давай знакомиться, что ли...

— Давай! – бодро согласился муравей. И в ответ протянул мне свою – коричневую, будто покрытую блестящим лаком, лапку. – Евлампий. Или попросту – Евла. А тебя я знаю. Можешь не представляться. Целое лето только и слышим: «Буля да Буля». Наизусть выучили.

И мы оба весело рассмеялись.

— А сейчас мы вместе берем вот этот фураж, — Евла указал на брошенный им кусочек, вернее, кусок какой-то гигантской травы или листа, и понесем его в муравейник. Иначе нас туда попросту не пропустят. Бездельников у нас не любят.

И мы, подхватив фураж, направились к муравейнику.

Лето. Тот же день, когда мне показали зеленых коровок

...Боже мой! Каким, оказывается, длинным может быть путь до муравейника! А ведь я обычно преодолевала его в два прыжка... Еще этот фураж! Мы несколько раз делали с Евлой привал, чтобы отдышаться. (Как он умудряется целыми днями таскать такую тяжесть!)

Нет, скажу я вам, тренировки – вещь великая. Вот когда я снова стану собой, ну, то есть большой, как раньше, то обязательно займусь тренировками. Может быть, легкой атлетикой. Например, бегом. Или прыжками. Иначе... Как там у моих хозяев по радио хриплым голосом кто-то поет? «Если хилый, сразу — в гроб, сохранить здоровье чтоб – занимайтесь...»

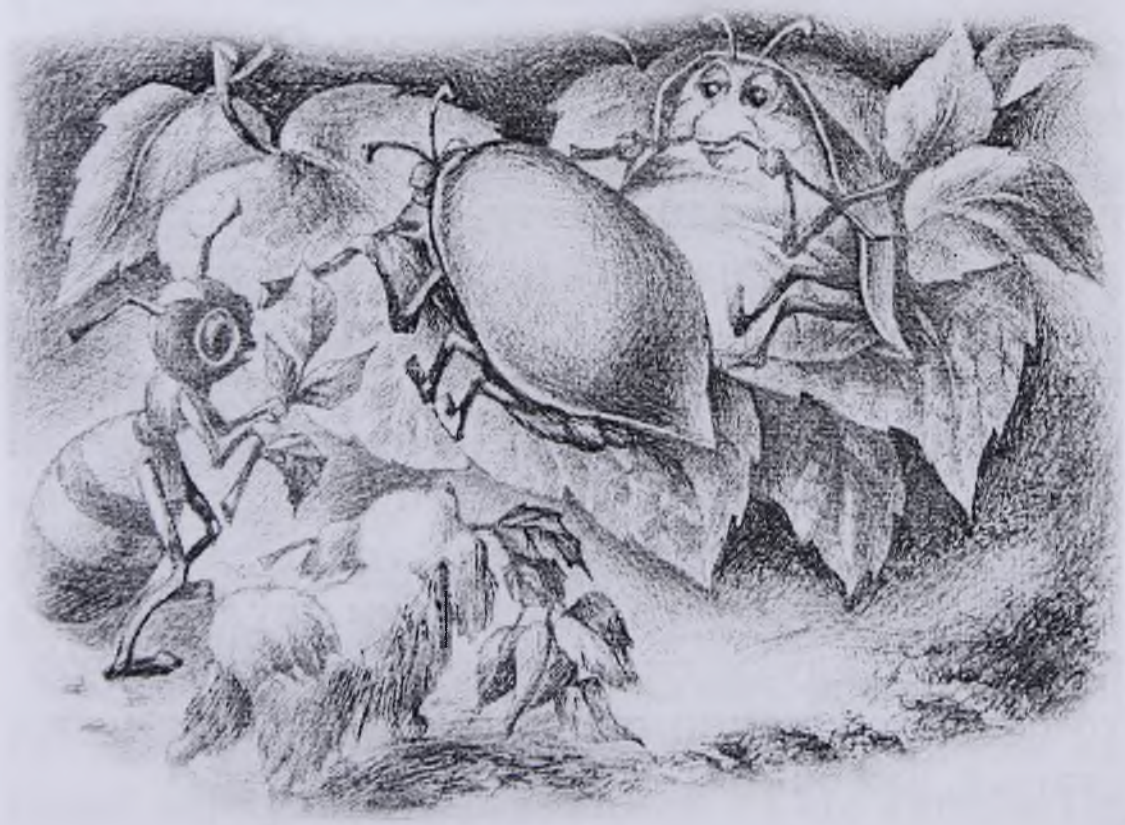
То ли тренировками, то ли обтиранием – не помню.

Да. Что-то я отвлеклась. Ну вот. При подходе к муравейнику нам все больше и больше стало попадаться знакомых Евлы и его родни. Все они тоже спешили по своим делам: одни усердно строили муравейник, выкладывая в нужном порядке многочисленные веточки средней величины и хвоинки—точь-в-точь строители на кладке кирпичного дома. Другие, как мы, проносили мимо муравьев-охранников фураж и направлялись по темным извилистым коридорам-лабиринтам куда-то вниз, в глубь муравейника.

Но самым странным во всем этом было то, что ни один из сородичей Евлы не обращал на меня совершенно никакого внимания, как будто у них каждый день в муравейнике только и делали, что гуляли живые белые пушистые собачки. И такое

откровенное невнимание к моей особе как-то даже расстроило поначалу меня. «А с другой стороны, рассуждала я, от меня же пахнет муравьиной семьей. Значит, они принимают меня за свою. Правильно сказал Евла: если от меня не будет исходить аромат – запах их большой Семьи, их большого общего дома, то...»

Не успела я до конца развить свою мысль, как пробегавший мимо нас муравей, прикоснувшись к Евле своими усиками-антеннами и, как видно, передав ему таким образом какую-то информацию, заторопился дальше. Евла озабоченно посмотрел на меня: «Наши разведчики донесли, что в районе Большого Ручья, ну, где находится жилище других муравьев, началось какое - то странное оживление. Не было бы это сигналом к началу войны».



Какой еще войны? «А разве у муравьев бывают войны?» — пробормотала, насторожившись, я.

— Еще какие. Наши враги – муравьи Большого Ручья – очень агрессивны. Они часто нападают на другие муравейники, убивая хозяев и унося из них фураж и куколок. А потом, когда из куколок появляются муравьи, они превращают их в своих невольников. Рабочих. Рабов.

— Так вот почему вы прячете своих малышей так глубоко и так тщательно охраняете их?

— Конечно! Чтобы враги не смогли их сделать рабами. Наш девиз: «Свобода или смерть!» Мы сами никогда первыми не нападаем на других. Но будь уверена, Булька, защищаться мы тоже умеем!

Глаза Евлы горели таким свободолюбивым огнем, и сам он был настолько тверд и уверен в своей правоте, что я успокоилась. С таким, как Евла, не пропадешь!

Мы спустились с ним еще ниже в муравейник по извилистому лабиринту, повернули сначала направо, потом налево, потом снова направо и оказались в небольшом прохладном, но сухом помещении, хранилище, где аккуратными рядами были сложены разные припасы жителей этого беспокойного, но дружного хозяйства: зерна каких-то орехов, ароматные травы, лепестки цветов. Здесь же, на небольшом стульчике из кедровой шелухи, сидел старый муравей и что-то сосредоточенно подсчитывал на таких же старых, как он сам, счетах.

— А! Евла! – приветствовал он нас. – Давненько не виделись.

— Давненько, дядюшка Ив! Как твое здоровье?

— Сегодня весь день ноги ломит. Наверно, к дождю. Ты загляни-ка, Евла, лучше к нашим буренкам, как они там? А то если дождь, чего бы не вышло...

«Кто такие буренки?» – хотела спросить я у Евлы, но он жестом дал мне понять, что надо торопиться.

И мы, положив фураж на место, что есть духу помчались по каким-то коридорам и коридорчикам, которых видимо-невидимо было в муравейнике.

В коридорчиках становилось все светлее и светлее. И вдруг мы буквально вынырнули на самой верхушке муравейника, на его куполе. От

свежего воздуха и высоты у меня закружилась голова.

— А вот и наши буренки! – возвестил Евла, показывая мне на какое-то гигантское дерево с такими же гигантскими листьями, которые, как крышей, прикрывали муравейник. Настоящие джунгли! Легкий ветерок шевелил листья, и они плавно отодвигались, лениво пропуская сквозь ветки солнечные лучи.

— Где? Где буренки? – не поняла я.

— Да вот же! Видишь на стволе ветки – мы зовем их пастбищами – на них пасутся такие зеленые коровки?

— Так это же... Это же тля! Насекомые. Карабастые зеленые букашки, каждая размером с овцу, мирно облепили ствол покачивающейся ветки-так называемого пастбища - и не то дремали на солнышке, не то тихонько грызли саму ветку.

— Ну да. По-вашему, может, и тля. А по-нашему – буренки, которых мы пасем, защищаем и которые дают нам вкусное молоко — падь. Мы – хорошие животноводы и заботимся о своих буренках: если бывает жарко, делаем над ними специальные навесы от солнца, а на зиму уносим их в теплый муравейник. Весной выносим их оттуда и расселяем по новым веткам – новым пастбищам.

Убедившись, что с коровками все в порядке, мы снова спустились к Дядюшке, и Евла попросил у него разрешения сводить меня в детский сад и покормить там куколок.

Лето. Тот же день.
Как мы с Евлой были няньками

...Сколько же времени прошло с тех пор, как мы начали путешествовать с Евлой по муравейнику? Не знаю. Может, мгновение, а может, вечность.

Вот бы никогда не подумала, что обыкновенный муравейник хранит столько тайн! Что здесь все так же, как в большом мире: и войны, и забота о жилище и детях.

Впрочем, я снова отвлеклась. Когда мы с Евлой оказались в детсаду, то никаких малышей-муравьев, которых я надеялась там найти, поначалу не увидела. Возле многочисленных белых коконов-свертков хлопотали другие муравьи. Одни из них аккуратно брали эти коконы и куда-то уносили их, другие, наоборот, откуда-то приносили

похожие. И понять, что здесь происходит, было совершенно невозможно.

Евла привычно подвел меня к одной из муравьих-нянек и что-то шепнул ей. «Нет, нет, Евла, и не проси, — строго сказала она. – Кормить малышей я вам не доверю. Пусть даже сам дядюшка Ив разрешил. А вот подержать... Пожалуй, можно. Только будьте очень аккуратными».

И она подвела нас к одной из так называемых кроваток – уютно выложенному из мягких хвоинок гнездышку.

Евла осторожно взял из него белый сверток, похожий на большое рисовое зерно, и внимательно посмотрел на меня. «Это и есть куколка?» – догадалась я. Он молча торжественно кивнул, а потом так же молча повел меня в небольшую пустую комнатку-ячейку, где неожиданно нежным голосом запел колыбельную:

Братик мой или сестричка,
Пусть тебе спокойно спится.
А когда настанет час –
Ты с любовью встретишь нас».

Песня была такая трогательная и такая жалостливая, что я потихоньку стала подвывать ему. Но Евла прервал меня: «Ты, Буля, конечно, собачка хорошая. Но твой незнакомый голос может испугать малыша. На-ка, лучше подержи его!» И я взяла в лапы это маленькое муравьиное сокровище. Тук-тук! Тук-тук! Что это? Я вдруг услышала, что там, за белой тонкой пленкой, отгораживающей

меня от малыша, в такт моему сердцу бьется и его маленькое сердечко. И это было чудом!

Лето. Вечер того же дня. Потоп

Не успели мы с Евлой выйти из детского сада, как... началась гроза. Как прозорлив оказался дядюшка Ив!

Гром был такой, что муравейник ходил ходуном, и все его обитатели в срочном порядке эвакуировали и фураж, и буренок. Но самое главное, они начали усиленно закрывать все ходы и выходы. В муравейнике стало темно, как ночью. Зачем? Все разъяснилось вскоре.

Бурные потоки воды хлынули в оставшиеся незакрытыми отверстия, сметая все на своем пути. Укрыться от разбушевавшейся стихии было невозможно. Тут и там слышались крики о помощи. Голова моя шла кругом.

Мы с Евлой вскарабкались на какой-то выступ, возвышавшийся над уровнем все прибывающей воды, и стали ждать своей участи.

«Евла! — откуда-то сбоку донесся слабый голос. Это был старый больной дядюшка Ив, который не мог самостоятельно выбраться из хранилища. – Евла!»

Вода прибывала с каждой секундой, грозя уничтожить все живое. В том числе и доброго старика. «Никуда не уходи!» — скомандовал мне Евла и, не раздумывая, бросился спасать Дядюшку, ухватившись за проплывающую мимо соломинку. Бурный поток тотчас увлек его за собой куда-то внутрь...

Я осталась совершенно одна. Холод и страх настолько сковали меня, что я боялась даже пошевелиться.

В следующее мгновение снаружи послышались тревожные голоса моих хозяев, звавших меня. Но что я могла сделать? Я тоже пыталась лаять в ответ, но раскаты грома заглушали и мой лай, и их голос. И мне оставалось только горько плакать и сожалеть о своем необдуманном поступке.

(Следующая строчка не читается, так как размыта.)

Лето. Ночь. Друзья познаются в беде

Не знаю, сколько времени прошло, только очнулась я в какой-то небольшой теплой и сухой комнатке-ячейке. Подо мной вместо привычной подстилки были какие-то жесткие хвоинки, которые очень кололи и не давали спокойно спать. И только тут я сообразила, где нахожусь. В муравейнике! И все события вчерашнего дня молнией пронеслись передо мной. Рядом кто-то тяжело вздыхал во сне. Еще кто-то третий лежал с другой стороны. «Евла! Это ты?» – осторожно спросила я в темноте. «Я, я, — откликнулся Евла. — Спи». И у меня отлегло от сердца. Значит, Евла остался жив! Но спас ли он старика?

Мы немного полежали молча. «Евла, — не выдержала я. – А где же Дядюшка?»

— Рядом с тобой. Ох, и тяжеленные же вы, обормоты! Спасибо моим братцам... Без них бы я ни в жизнь не вытащил вас.

Оставшуюся часть ночи мы не спали. И Евла рассказал мне о непростой судьбе дядюшки Ива, которого он очень любил и ради которого готов был пожертвовать своей жизнью.

Лето. Ночь. Рассказ Евлы о своем дядюшке

— Когда дядюшка Ив был молодым, — рассказывал Евла, – он был лучшим охотником в нашем муравейнике. Никто, кроме него, не умел плести более хитроумных ловушек. В эти ловушки попадали, как бы вы сказали, насекомые раз в десять больше, чем сам охотник.

А научил делать эти ловушки молодого Ива его прадед. Который, в свою очередь, научился этому у своего.

В стародавние времена суша ведь не разделялась океанами и морями, и муравьи всего земного шара были как бы одной большой дружной семьей. Мы, муравьи, живем на земле более 140 миллионов лет! Но после каких-то страшных катастроф суша разделилась на несколько материков, и часть наших собратьев оказалась изолированной. Отделеной от нас морями и океанами. Но все, что они умели когда-то делать вместе, осталось в памяти наших предков. И этому они обучили и нас. Самым способным учеником оказался наш дядюшка.

Его все очень любили и уважали в нашем муравейнике. Но беда пришла оттуда, откуда не ждали: сын дядюшки Ива связался с плохой компанией.

Дело в том, что не все муравьи в нашей большой семье одинаковые, как может показаться на первый взгляд. Как и у вас, больших, у нас есть те, кто трудолюбив, и те, кто лентяйничает. То есть уклоняется от работы. И все из-за того, что начинает употреблять запрещенные нашим советом Цариц вещества. Вещества эти выделяют некоторые насекомые — мирмикофилы. После употребления таких веществ муравей становится безвольным, вялым, ленивым, ему не хочется работать.

Ну вот. Когда Дядюшка узнал, что его сын с группой таких же бездельников прячет в муравейнике мирмикофил и употребляет наркотические вещества, которые они выделяют, он очень рассердился. На совете Цариц разобрали поведение юных лентяев, дали им испытательный срок. Но они не исправились.

Тогда, согласно главному закону нашего муравейника, их попросту отселили на новое место, где они должны были сами на себя работать. Но... Бедолаги настолько отвыкли трудиться, что не смогли это делать. И вскоре погибли. Дядюшка Ив очень переживал из-за сына. Мы, как могли, поддерживали его. Что делать? Закон, конечно, суров. Но таков закон.

Лето. Утро следующего дня. Возвращение

...Когда первые лучи солнца проникли в нашу комнатку-ячейку, Евла с грустью посмотрел на меня: «Настало время прощания, Буля! Сейчас

мы поможем моим братьям вынести из хранилища подмоченное зерно. И ты снова примешь свой прежний облик, навсегда забыв муравьиный язык».

Слезы сами собой хлынули из моих глаз: ведь мы с Евлой стали друзьями! «Но ты никогда не забудешь нашего путешествия, — продолжал Евла. — Постарайся, чтобы все, о чем ты узнала здесь, пригодилось или тебе, или твоим друзьям!» Мы крепко обнялись.

Потом мы все вместе вытаскивали на солнышко подмоченное вчерашним дождем зерно и складывали его для просушки на специально приготовленные для этого платформы из широких листьев.

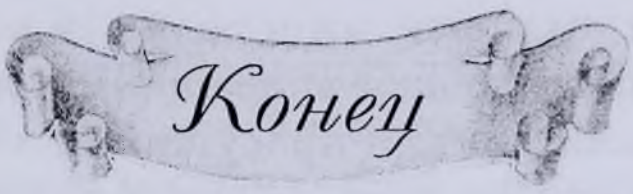
Зерно было таким тяжелым, что я, честно говоря, вскоре порядком устала, и в какой-то момент отошла в сторонку, чтобы передохнуть. Как вдруг все закружилось передо мной: Евла, зерно, муравейник... и стало меняться буквально на глазах. Непроходимые джунгли возле муравейника превратились в обычную ветку березы, а мои новые знакомые – в маленьких, похожих один на другого, словно близнецы, муравьев.

—Буля! Буля! – услышала я радостный возглас своей маленькой хозяйки. Я стала такой, как раньше! И мы, не чуя под собой ног, бросились навстречу друг другу.

...Нет, что ни говорите, человек – лучший друг собаки! Правда. И я, изловчившись, от полноты чувств лизнула свою маленькую

подружку прямо в нос. Вот уж мы посекретничаем с ней сегодня!

А Евла... Помнится, он сказал мне, что есть такая наука о муравьях – мирмекология. Может быть, с ее помощью мне когда-нибудь удастся снова выучить муравьиный язык? Я буду очень стараться. Очень. Вот удивится Евла, когда я ему потом как-нибудь при встрече скажу: «Как дела, Евла? Ты помнишь наши приключения?»



Сахарная принцесса, Капитан Шуриков и другие

...А на улице весна. И плывут куда-то облака, ежесекундно меняя очертания, похожие не то на прекрасные парусники, не то на сказочных великанов. И душа рвется вслед за ними в неведомые дали. Туда, за синие горы на горизонте, за полоску реки, возле которой так хочется посидеть на перевернутой старой лодке. (В последнее время мне по душе уединение). И, закрыв глаза, о чем-нибудь помечтать...

Или нет. Лучше, чтоб мысли чехардой перескакивали с одной на другую и невозможно было сосредоточиться. И было только одно: ощущение полной растворенности в этом весеннем воздухе, в этой весенней отраде, в этом безоговорочном счастье жизни. (Весна на севере, сами понимаете, всегда событие.)

Скажете: «Странно». Может быть. Дама-то я, не сказать, что молоденькая. А думаете, только у молодых такие мысли в голове? Вот и я о том же. Потому что весной мы все иногда чувствуем себя, как в детстве. Когда в жизни все было так просто и так понятно...

* * *

...Необыкновенная эта история произошла, когда мне было лет пять. В соседях с нами жила замечательная пара: высокий парень-художник и его жена-красавица, работавшая на кондитерской фабрике и которую за темные глаза и нежный аромат духов все почему-то звали Чио-Чио-Сан. (В те годы очень популярны были шоколадные

конфеты с аналогичным названием и загадочной японкой на фантике.)

...Когда Художник и Чио-Чио-Сан, нарядные, молодые, отправлялись куда-нибудь вместе, мы долго провожали их взглядом. Влюбленные всегда держались за руки, и даже если был хмурый день, казалось, что от их присутствия становилось светлее, и тихая нежная музыка лилась им вслед.

Вообще-то Художник и Чио-Чио-Сан жили очень уединенно, и мы, дети, заинтригованные и очарованные ими, придумывали про них всякие небылицы, одну нелепей другой. И сами же в них верили.

...Как-то Чио-Чио-Сан и Художник отправились в гости и попросили меня полить в их квартире цветы, а за одним присмотреть за котиком Тимошей.

«Дело нехитрое», — подумала я и, конечно, согласилась.

...Квартира, в которой жили влюбленные, была настолько маленькой, что представить, как в ней может уместиться еще кто-нибудь, кроме них и Тимоши, было почти невозможно. Главным богатством ее были многочисленные цветы разных сортов, расцветок и форм: от розово-красных огоньков скромных гераней до экзотичных стрелиций, похожих на головки сказочных райских птиц. Они росли в таких же многочисленных и разнокалиберных горшках и горшочках и были расставлены где попало: на шкафу, стульях, столе, подоконнике. И даже на полу.

Чем не субтропики или какой-нибудь необитаемый остров?

Дополняли все это развешанные на стенах картинки из журналов с изображением парусников да сувениры из разных стран. В основном фигурки животных: верблюдов, обезьян, северных оленей...

С непривычки я быстро устала поливать цветы и, усевшись вместе с Тимошей в большое глубокое кресло и прихватив книжку с картинками «Про вожака Ивыра», стала – как бы правильней сказать? – размышлять о тайнах бытия...

«Зачем поливать цветы, — размышляла я. – Лучше бы в нужное время их полил невидимый дождик, и можно было просто любоваться ими».

Размышляла я так, размышляла, разглядывала картинки в книжке, разглядывала и не заметила, как Тимоша-то куда-то исчез.

На часах прокуковала кукушка и...

Через мгновение на пороге комнаты появилась - кто бы мог подумать? – крохотная Принцесса в прекрасном розовом платьице, похожая на лесную фею. Поверх платья была наброшена симпатичная прозрачная накидка с капюшоном.

Но самым удивительным в ней было то, что сделана Принцесса была... из чистого сахара. И ручки, и головка, и даже прекрасное пышное платье! А волосы были ни чем иным, как сладкой ватой, уложенной в замысловатые букли и напоминавшие какой-то лесной цветок. Кажется, пушицу.

— Ах! – воскликнула она нежным голосом, не замечая меня. – Мне сегодня никто не сказал: «Доброе утро!» Это ужасно неучтиво и невежливо.

Потом она привычно подошла к стене, на

которой висела картинка с самым большим красивым парусником, и еще раз, уже громче, сердито повторила, топнув ножкой: «Это ужасно неучтиво и невежливо!»

В тот же миг картинка ожила, окатив меня с головы до ног солеными морскими брызгами... Ну знаете!

— Ваше Сахарное Высочество! – обратился к Принцессе чей-то до боли знакомый голос. (Я не могла поверить собственным глазам: перед маленькой красавицей стоял... Тимоша и раскланивался в глубоком реверансе.) — Наш Капитан Шуриков заболел: вчера он объелся мороженого. И сейчас за него только я могу пожелать вам доброго утра!

— Сделайте милость! – Принцесса для важности нахмурила бровки.

С парусника торопливо сбросили веревочную лестницу. И Принцесса с Тимошей ловко взобрались по ней на судно.

— Как Ваше здоровье, сударь? – спросила Принцесса у Капитана, одетого в парадный белый китель и такую же белоснежную фуражку с позолоченной кокардой в виде краба, когда тот галантно подал ей руку, чтобы удобней было спуститься на палубу. – Вы же знаете, что Вам всегда надлежит быть в форме и во всем подавать пример подчиненным. Нехорошо. Я объявляю Вам выговор и приказываю тотчас отправиться в дальнее плавание.

Ударили в судовой колокол. И парусник на полных парах полетел в увлекательное

Путешествие, оставляя за собой длинный шлейф из гребешков волн и сопровождаемый радостным криком чаек.

«А как же я?» — едва успела я подумать, как сама очутилась рядом с путешественниками. И мы дружно запели любимую песенку:

Солнце, весело свети,
Нашу песенку лови,
И по миру разнеси
Нашу песню эту.
Расскажи,
Что есть страна
Под названием Югра,
Там живут мои друзья.
Там живешь и ты, и я,
И попутный ветер!

...Мелькали неизведанные земли и моря, государства и города. А наш корабль плыл все дальше и дальше. Чернокожих индусов в замысловатой чалме или сари сменяли нарядные мексиканцы в широкополых сомбреро или шотландцы в клетчатых юбках. Бананы или финики уступали место спагетти или кокосам. Один язык – другому. А мы все плыли и плыли.

Долго ли, коротко длилось наше путешествие, я не помню. Только к концу его мне ужасно захотелось домой.

— Ваше Сахарное Высочество, — взмолилась я. – Не могли бы вы отвезти меня к маме? Я очень соскучилась...

— Ничего проще! – участливо улыбнулась Принцесса и приготовилась сказать волшебные

слова, которые она всегда шепотом произносила в таких случаях. Но – что это? – кажется, она давно не повторяла их и... совсем забыла!

Тимоша, Капитан и я растерянно переглянулись. Вот те на...

— Как же так? – прозрачные сахарные слезки начали капать из прекрасных глаз маленькой красавицы на ее прозрачную накидку. – Ведь я всегда знала их наизусть. — Еще чуть-чуть, и эти слезы грозили превратиться в бурный ручей и затопить нас всех. Еще этого не хватало!

Тогда Тимоша, что-то промурчав себе в усы, громко и внятно промолвил: «Я, конечно, понимаю, что подслушивать нехорошо...»

— Да не тяни ты кота за хвост! – буркнул Капитан Шуриков хриплым голосом. (Он опять, бедняга, объелся мороженого!)

— Прошу не перебивать, — продолжил Тимоша. — Но однажды я случайно услышал, как Принцесса сказала, кажется: «Тилим-Тилим...»

И не успел он до конца сказать волшебные слова (да он их и не знал до конца!), как мы тут же оказались... Нет, не дома. А в непроходимой глухомани, где тучи комаров набросились на нас, грозя закусать до смерти и совершенно не считаясь с высоким званием нашей попутчицы. «Капитан, укройте дам кителем!» —скомандовал Тимоша, а сам храбро бросился в бой с маленькими летающими нахалами.

— А дальше-то? Дальше? Какие слова я говорила дальше? – стараясь перекричать комариный писк, допытывалась у Тимоши

Маленькая Принцесса.

Но он не отвечал. Тимоша отважно, как мачете, работал хвостом, отгоняя комаров и прорубая дорогу сквозь трущобу к видневшейся невдалеке низенькой хижине, покрытой берестой.

Помогал ему, как мог, и Капитан. Я же с Маленькой Принцессой на руке, прикрывая ее полой длинного капитанского кителя, доходившего мне чуть не до пяток, беспрестанно путаясь в нем и спотыкаясь, едва поспевала за своими провожатыми.

...На лай собаки, выскочившей из избушки, покрытой берестой, торопливо выглянули трое: седой, как лунь, старик да двое мальчиков, одетых в легкие летние одежды с национальным орнаментом и держащие в руках стрелы и изящно изогнутый старинный лук, на котором тоже виднелся не то какой-то орнамент, не то письмена.

— Кыль, Кыль! На место! – почти одновременно скомандовали все трое собаке. Какое-то время они молча изучали нас, а затем также молча, жестами пригласили в хижину.

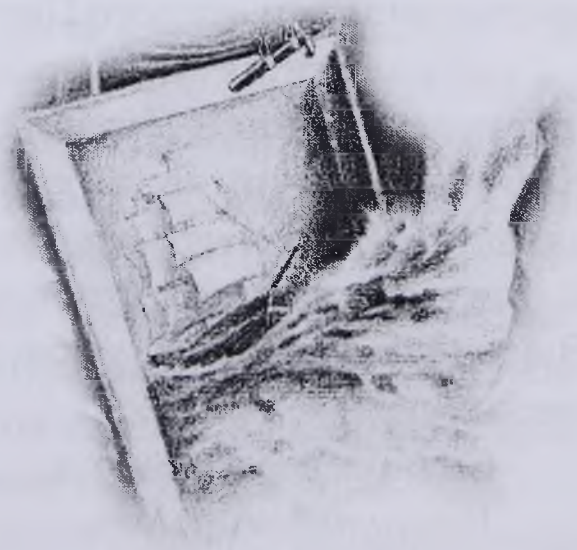
— Паломей, внучек, разведи чувал, — обратился старик к одному из мальчиков, как только мы переступили порог. — Надо сытно накормить наших гостей и обогреть их. Таков закон тайги.

— Хорошо, дедушка Петотка! – ответил тот, и уже через минуту мы дружно сидели возле уютного очага с весело потрескивающим огнем, а Паломей и Ивыр (так звали второго мальчика) угощали нас вкусной морошкой и вяленой рыбой.

Мы рассказали нашим гостеприимным хозяевам, кто мы и как очутились в этих краях. На что Петотка, глубокомысленно покачав седой головой и раскурив небольшую костяную трубочку, обронил: «Один мудрый человек сказал: «Чего знаете, того не забывайте доброго». Иначе можно вот так, как вы, застрять на полпути к дому. Но не печальтесь. Ложитесь-ка лучше спать. Утро вечера мудренее».

...Всю ночь горел огонь в чувале, всю ночь не ложился спать старый Петотка, погрузясь в свои мысли и обращаясь к своим богам: «Номи Торум, Небесный Бог, помоги нашим гостям найти дорогу домой. А ты, Ели Торум, Подземный Бог, не чини им препятствий!» Всю ночь дым из трубы хижины тянулся в небо, передавая звездам и добрым духам слова Петотки...

...Рано утром, как только первые голосистые пташки возвестили зарю, Петотка поднял нас: «Путь вам предстоит неблизкий, через владения Болотного Духа Комполэна, а он не любит чужаков. Не любит, чтобы к нему



приходили без щедрых подарков. Так что пока он не проснулся, надо идти. «Ивыр, — обратился он к младшему мальчику. – Проводи до болота – Большого Тумана — наших гостей и скорей возвращайся назад: сегодня нас ждут в соседнем стойбище. Опаздывать нельзя».

Мы тепло попрощались с Петоткой, Паломеем и Кылью и двинулись в путь.

Долго ли, коротко ли шли, кто знает... «Вот и владения Комполэна! — прошептал Ивыр, приложив палец к губам, когда мы подошли к огромной поляне, поросшей красивыми цветами. («Да разве это болото?» — удивились мы.) — А вот и тропинка. Идите по ней след в след. Не останавливайтесь, не разговаривайте и не оглядывайтесь назад! Болотная красота обманчива. Иначе вы разбудите Комполэна, быть беде. На той стороне добрые духи помогут вам попасть домой». И Ивыр, махнув на прощанье, скрылся в ближайших кустах.

...Птицы весело щебетали, трудолюбивые пчелы уже деловито летели за полевой данью; все было так мирно и хорошо, что мы сразу забыли о всех наставлениях и старого Петотки, и Ивыра.

«Красотища-то какая!– воскликнула, бодро шагая по тропинке, Принцесса и лукаво поглядела на Капитана Шурикова. – Кажется, Вы опять мне забыли сегодня что-то сказать...» И мы вместе с Капитаном, громко и дружно пожелав их Сахарному Высочеству доброго утра, запели нашу любимую песенку:

Солнце, весело свети.
Нашу песенку лови.

И по миру разнеси
Нашу песню эту.
Расскажи,
Что есть страна
Под названием Югра.
Там живут мои друзья;
Там живешь и ты, и я,
И попутный ветер!

Но не успело стихнуть эхо от наших слов, как вдруг тропинка закачалась, как подвесной мост, и перед нами предстал... Ну, конечно, никакой не Комполэн! А очень даже симпатичный старичок, навроде Петотки. Но современный какой! В серо-зеленых джинсах, такого же цвета бейсболке и даже... в пенсне. «Деточки мои! – вкрадчивым голосом обратился он к нам, снимая пенсне и протирая его невесть откуда взявшимся серо-зеленым платком. – А я вас заждался!» И он учтиво, но настойчиво стал приглашать нас к себе в гости, в охотничью избушку, которая якобы находилась поблизости. Совсем-совсем рядышком, ну разве шажочка два-три надо сделать в сторону от тропинки. «А вкусностей-то сколько наготовил! Всю ночь рук не покладал. – И Незнакомец почему-то пристально посмотрел на Капитана. – Одного мороженого — сто сортов!»

В наших рядах возникло замешательство. «А для вас, услада сердца моего, милая Принцесса, – не унимался словоохотливый старичок, – мой личный портной сшил чудесное платье. Из живых цветов. Нежных-нежных. Лепесток к лепестку. Оно вам очень будет к лицу». И он скромно потупил глаза.

Лишь Тимоша с первого взгляда возненавидел

Незнакомца. «Посторонитесь, гражданин! – прорычал он. – Мы торопимся. И нечего нам зубы заговаривать».

«Какие зубы? Помилуйте! – старичок быстро надел пенсне, и взгляд его, спрятавшийся за толстым стеклом, сделался не таким уж добрым. И уже не церемонясь, он вплотную приблизился к нам, обдавая запахом болота и какой-то гнили: «Так идете или нет?»

Мы оглянулись. Возвращаться назад было поздно: тропинка исчезла, и вместо нее зияла страшная трясина, грозящая в любой момент поглотить нас. «Комполэн!» — похолодев, разом догадались мы. Вот к чему приводит непослушание... Неужели нам суждено было сгинуть непонятно где, так и не вернувшись домой?!

В этот момент над нашими головами прошелестела крыльями огромная — зеленая с фиолетовым и желтым на красивой головке — птица. (Как же она походила на экзотическое растение у Художника и Чио-Чио-Сан, которое я не успела полить!) «Стрелиция! — воскликнула радостно Принцесса. – Ты спасешь нас!»

И птица, бережно подхватив нас на свое крыло,

стала быстро-быстро подниматься в небо, стараясь перелететь болото.

Не тут-то было. Милейший старикашка, только что любезно расточавший нам приятные слова, превратился в чудище: одна нога – деревянная, другая – лошадиная, из ушей дым столбом, глаза, как угли. Он стал расти, расти, расти на глазах, пытаясь поймать Стрелицию и всех нас.

«Быстрей, милая, быстрей!» – торопили мы птицу, крепко обнимая ее и дрожа от возбуждения и страха. Но чувствовалось, что ей все тяжелей и тяжелей было отрываться от преследователя. (Определенно, была какая-то загадочная связь между тем, что я не полила цветок — Стрелицию и Стрелицией-птицей!)

Силы начали покидать ее. «Бросайте лишнее! Прямо в цель!» — скомандовал Тимоша. И вниз на зловредного Комполэна полетела капитанская фуражка с позолоченой кокардой, розовый поясок Принцессы, мои сношенные любимые голубенькие сандалии. Все это щелкало болотного верзилу по носу, не причиняя ему совершенно никакого вреда.

«Что? Съел? — не унимался Тимоша, поддерживая наш боевой дух и обращаясь к Комполэну. – Молодец против овец, а против молодца — сам овца!»

Стрелиция подлетала к концу болота. В последнем рывке, казалось, Комполэн уже почти ухватил ее. Вот-вот, и...

«Тилим-тилим! Турум-бурум!» – вырвалось

вдруг у Принцессы. И Комполэн, выпучив от удивления свои злющие глазищи, лопнул, как мыльный пузырь. Только его и видели...

А сами мы очутились дома. Вернее, в комнате, где жил Художник с Чио-Чио-Сан.

Я едва перевела дух. А что же остальные? Тимоша как ни в чем не бывало безмятежно спал у меня на коленях, на стене привычно висела картинка с красивым парусником, на полу валялась книга про вожака Ивыра, а Сахарная Принцесса и Капитан Шуриков... Они исчезли. Как будто их и не было никогда. Чудеса, да и только!

Я подбежала к подоконнику, на котором стоял горшок с экзотичным цветком Стрелицией. Головка цветка, казалось, склонилась от усталости и грустно смотрела вниз. Между птицей, спасшей нас, и неполитым растением была, была связь! Я быстро схватила кружку с водой и полила – напоила Стрелицию. И... она благодарно кивнула мне! «А вдруг и у других цветов есть своя тайна?» — мелькнула мысль. И я усердно стала поливать все цветы без разбора. В самых маленьких и самых больших горшках. На полу, подоконнике, стульях. И даже на шкафу.

В то время, когда я это делала, многочисленные сувениры в виде животных-верблюдов, обезьян и северных оленей украдкой поглядывали на меня и тоже как будто одобрительно кивали, обещая когда-нибудь, потом, рассказать свою необыкновенную историю.

«Нет, правда, — подумала я. — Поливать

цветы – не такое уж скучное занятие. Если к нему как следует подойти...»

...А потом вернулись Художник с Чио-Чио-Сан, привезя мне в подарок за труд калейдоскоп: твердую трубочку из синего картона, с обеих сторон которой были вставлены специальные стекла. И когда я подносила калейдоскоп к глазам, заглядывая внутрь и тихонько поворачивая его, там оживали удивительные узоры, похожие то на диковинные осенние листья, то на веселые зимние снежинки, то вообще на вязаные бабушкины салфетки.

Как я любила летом сидеть на подоконнике и разглядывать эти самые узоры на свету! В палисаднике тихо перешептывались деревья, солнце ласково улыбалось мне сквозь листву, и казалось, что так будет вечно!

Но однажды соседский мальчишка все испортил. Он посмеялся надо мной, сказав, что внутри калейдоскопа находятся не чудеса, а обыкновенные цветные стеклышки. «Не веришь?» — и вмиг калейдоскоп был разбит, а на земле лежала жалкая кучка никчемных стекляшек. Чудо исчезло.

Но с тех пор, сколько бы лет ни прошло, я всегда, увидев под ногами маленький осколок цветного стекла, невольно вспоминаю тот калейдоскоп. И Художника с красавицей-женой, похожей на японку, и верного друга Тимошу, и Сахарную Принцессу, и Капитана Шурикова в белоснежном кителе, и бесстрашную кроткую Стрелицию. Всех, всех, всех.

А иногда... Знаете, это покажется неправдоподобным, но те друзья из Детства посылают мне привет. Например, Сахарная Принцесса.

Вы замечали иногда на горизонте вечером тоненькую розовую линию? Вокруг фиолетовые тяжелые тучи, и только на горизонте легкая нежная полоска света. Точь-в-точь поясок Сахарной Принцессы, который она, не задумываясь, бросила на злого Комполэна, чтобы спасти своих друзей.

Вот я и думаю: «А как же мне послать им привет?» Ну правда. Как? Давненько не собирались мы вместе...

Путешествие Открытки, или Необыкновенные приключения Дашутки

В каждой семье наверняка есть альбомы со старыми фотографиями, на которых изображены дома и пейзажи, которые мы никогда не видели, люди и животные, с которыми мы никогда не встречались, растения и цветы, ароматы которых мы никогда не вдыхали. Целое ушедшее в Прошлое государство нашей семьи. Смешливое, серьезное, чуть-чуть наивное — разное...

Сами альбомы потерлись от времени, посолиднели, и из уважения к ним нам так и хочется называть их порой не иначе как Ваше Величество Альбом. Или нет. Лучше – Дорогой Наш Старый Альбом. Или Добрый Дедушка.

Мы раз сто пересмотрели такие альбомы и выучили наизусть каждую фотографию в них, и кажется, ничего нового, тем более необычного, увидеть уже не сможем. Даже убрали Старичков подальше с глаз, чтоб не мешали: у нас ведь сейчас много новых современных фотографий и куда интересней заниматься ими! Верно? И высматривать в магазине новенькие, яркие парадные альбомчики! Чтобы потом любовно помещать в них свои уникальные фототворения! А вообще, проще по электронке – электронной почте – сбросить кому хочешь и что хочешь, и сколько...

Наблюдал-наблюдал за нами теперешними с дальней полки один такой Старый Альбом. Вздыхал-вздыхал и... решил в Новый год преподнести нам сюрприз. Об этом мне рассказала как-то моя маленькая дочка, а я, в свою очередь, пересказываю эту историю вам. Может, и вы для себя в ней что-то интересненькое отыщете? Итак...

Елочка-елочка – зеленая иголочка

...Как-то маленькая Даша сидела под новогодней елкой. Она любила иногда поиграть сама с собой «в невидимку». «Что за игра такая?» — спросите вы. Да самая простая. В то время как взрослые перед приходом гостей всегда что-то усиленно жарят – варят – моют – прибирают и дают малышам понять, чтоб не мешались под ногами, самое лучшее — спрятаться под елку. Как в маленький домик из душистой хвои или шалашик. И вмиг ощущение неприкаянности и одиночества улетучится. Елка, как настоящая сказочная волшебница, сразу превратит тебя в невидимку: взрослые суетятся, ходят мимо и совсем не замечают тебя. А в это время с каждой веточки с любопытством заглядывают в твой зеленый домик разные зверушки и другие новогодние игрушки. И у каждой своя сказка, своя забавная история. И как тогда становится весело и интересно вдруг!

Ну так вот. Сидела как-то маленькая Даша под такой новогодней елкой и, как всегда, слушала сказки новогодних игрушек. Особенно ей нравилась история про дружбу Белого Кролика из папье-маше с Красным Шаром. Как вдруг чей-то незнакомый, чуть-чуть хрипловатый, с картавинкой голосок позвал ее: «Возьми меня, пожалуйста!»

Даша огляделась по сторонам. Странно. В комнате, кроме нее, никого не было. «Возьми меня!» — обратился к ней вновь незнакомый голос. – Я –

Старый Альбом на дальней полке. И я тоже хочу рассказать тебе свою историю».

Девочка поскорее достала с полки старый альбом и, снова спрятавшись под елку, осторожно открыла его.

Тайна старого альбома

...Едва Даша открыла альбом, как произошло чудо: альбом выпал из ее рук и... на его месте перед ней предстал упитанный низенький господинчик, неуловимо похожий не то на Карлсона, не то на еще какого-то сказочного персонажа. «Вы кто?» — вырвалось у растерявшейся девочки. «Альбом Альбомыч, — представился незнакомец. – Кто же еще?» — и очень даже шустро покрутился перед ней на одной ножке.

Только сейчас Даша внимательнее рассмотрела странного человечка. Одет он был в старый кожаный жакет с множеством карманчиков, из которых разноцветными платочками выглядывали какие-то фотографии и открытки. Мало того, и кожаная шапочка его, и даже кожаные сапожки с блестящими пряжками, и перчатки были сплошь в таких же кармашках.

Увидев реакцию Даши, Альбом Альбомыч довольно потер руки и тут же предложил: «Ну что, приступим, что ли? Ведь ты не против услышать и мою историю, милая барышня?» И, не дожидаясь ответа, он, как ни в чем не бывало, расположился рядом с «милой барышней» под новогодней елкой. Даша с любопытством посмотрела на собеседника.

— Видишь ли... — начал Альбом Альбомыч. – Раньше на моих страничках делали специальные прорези, чтобы вставлять в них фотографии.

Но фотографии печатали такие разные — от больших до малюсеньких, что удобней всего было сначала вставлять их в обычные, одинакового размера, почтовые открытки, а потом уже эти открытки с фотографиями — помещать в альбом.

Конечно, это было довольно скучное занятие – приводить в порядок фотографии в альбоме, делая множественные надрезы на открытках, зато сейчас...

Альбом Альбомыч достал из одного своего кармашка фотографию. Даша сразу узнала ее. И тут же аккуратно вынул эту фотографию из... почтовой открытки. Даша ахнула! Никогда, никогда она не обращала внимания, что фотографии в их старом альбоме были размещены еще и в старых (точнее, на старых) открытках. И каких красивых!

Даша не знала, что и сказать...

О чем рассказали Открытки

— А знаешь ли, Даша, когда родилась открытка? – важно спросил всезнающий Альбом Альбомыч. И сам же ответил: – Не знаешь. Эх, молодежь, молодежь...

И покряхтев для пущей солидности и поерзав на месте, он, в конце концов, приступил к рассказу.

— Открытка – дама солидная. – Старый Альбом многозначительно посмотрел на свою маленькую хозяйку. – Не смотри, что ростом

невелика. Ей уже более 140 лет. А открыткой она называется потому, что на ней можно было, не запечатывая в конверт, написать какое-нибудь сообщение и в открытом виде отправить его адресату.

— Как сейчас?

— Ну, конечно. Но это произошло не сразу. Лишь в 1894 году министр внутренних дел России, под чьим руководством находился тогда почтовый департамент, разрешил российским гражданам отправлять открытки почтой. Иллюстрированная же открытка – с изображением, а не только текстом – появилась в нашей стране только на следующий год.

Даша от удивления охнула. Кто бы подумал? Она считала, что открытки существовали всегда.

— Самая ранняя поздравительная карточка, — продолжал поучительно Альбом Альбомыч, – хранится в Лондоне, в Британском музее. И лет ей гораздо больше. Ее можно назвать прапрапрабабушкой Почтовой открытки.

Датирована эта карточка пятнадцатым веком, когда в Европе началось книгопечатание.

Эта карточка была посвящена празднику святого Валентина, и ее автором принято считать герцога Орлеанского, который, сидя в тюрьме, очень скучал по своей жене и сочинял ей любовные послания, отправляя их с гонцом.

А еще английские архивариусы нашли послание какой-то молодой особы, адресованное ее возлюбленному. В этом послании девушка просит жениха побыстрее сделать ей предложение, а в

знак благодарности обещает, что сделает все, чтобы добиться увеличения своего приданого...

Даша, конечно, хотела спросить, что такое приданое и зачем оно вообще нужно, да почему-то раздумала. А вместо этого поинтересовалась у Альбома Альбомыча, из чего делали первые открытки?

— Хороший вопрос, – с явным удовольствием ответил Альбом Альбомыч, буквально сгорая от желания продемонстрировать девочке свои познания. – Но не мешало бы тебе знать, любознательная моя хозяйка, что первые открытки делались вручную. Конечно, из бумаги. И на них уходила уйма времени. Сначала художник рисовал открытку, потом раскрашивал ее, затем делал бесконечные копии. А если учесть, что электричества тогда не было, работал мастер при свечах, множительных машин тоже не существовало, то такой маленький шедевр – а открытки были действительно порой очень хороши! – стоил немало.

Альбом Альбомыч говорил и говорил, а Даша только успевала «переваривать» новую информацию о, казалось бы, таком привычном предмете, как открытка. Она представляла и красавицу-жену герцога Орлеанского в прекрасном длинном платье, и первые послания юных кавалеров дамам сердца, украшенные засушенными цветами, бисером, бархатом или разноцветными перышками...

Узнала Даша от Альбома Альбомыча также, что особым спросом в старину пользовались

открытки рождественские, так как Рождество было одним из самых любимых праздников на Руси.

...Оказалось, что именно в то время, когда популярность открыток в нашей стране возросла, в Германии научились производить их фотоспособом, и на рынке появилось огромное количество таких открыток.

Правда, они не всегда были качественные, сюжеты их тоже не блистали многообразием. И, возможно, так бы наши прапрапрадедушки и прапрапрабабушки и довольствовались этим, если бы великие русские художники Иван Билибин, Николай Рерих, Леонид Бакст и другие не «вмешались» в процесс. Они тоже стали рисовать открытки, и...

Открытки «ожили». На них заскрипели полозья санок, и русские тройки зазвенели бубенцами, а детвора с восторгом шумной ватагой побежала колядовать...

Но «золотой» век русской открытки продолжался недолго. В 1917 году, когда произошла революция, выпуск открыток, тем более религиозной тематики, был запрещен. И возможность писать друг другу открытые письма появилась у людей позже, в 40-е годы, во время Великой Отечественной войны.

Кстати, возвращавшиеся из-за границы русские солдаты нередко привозили на Родину в качестве трофеев зарубежные открытки. Чаще – с изображением городов и пейзажей. Понятно, что открытки эти выпускались еще до войны, и для большинства наших соотечественников, не

имевших возможности побывать в других странах, были как бы окнами в большой мир.

Тут Альбом Альбомыч несколько замешкался и достал из своих многочисленных кармашков какую-то открытку.

— Фу ты! – воскликнул он. – Что-то я разболтался! Вот, смотри. – И показал открытку Даше. – Такую открытку подарил твоей бабушке ее бывший школьный товарищ. В те годы бабушка была, конечно, вовсе не бабушкой, а совсем молоденькой девушкой, а ее друг сначала воевал, а потом служил в армии. Но ему очень хотелось сделать любимой приятное...

Даша с интересом всмотрелась в смешную открытку, на которой какая-то дама с кавалером улыбалась пушистым котятам. Неужели бабушка когда-то тоже была молодой? Без морщин? И носила туфли на каблуках, а не привычные шлепанцы? И ей дарили такие вот забавные открытки... Как-то в это не очень верилось...

Старый Альбом понимающе кивнул головой. И потихоньку стал извлекать из кармашков жилета, шапочки и даже сапог с пряжками другие открытки. Он делал это все быстрей и быстрей, быстрей и быстрей... Так что вскоре открытки посыпались оттуда, почти как цветное конфетти из ловких рук циркового клоуна или волшебника.

А он все доставал и доставал, и бедная Даша едва успевала крутить головой, чтоб хорошенько рассмотреть каждую открытку.

...Елочные игрушки с интересом наблюдали за происходящим. И особенно оживлялись, когда в

руках Даши или ее собеседника появлялись новогодние или рождественские открытки. Уж тут начиналось! Игрушки перешептывались друг с другом, хихикали, толкали друг друга в бока... А открытки тем временем чинно и плавно перекочевывали к ним на елку, образуя своеобразную открыточную гирлянду. Ну разве это было не чудом?

...Но тут раздался какой-то шум, смех, и Даша увидела, как в комнату вошли, вернее, ввалились дружной нарядной толпой гости. Все в карнавальных костюмах. Даша даже растерялась: как узнать, кто есть кто?

И не успела она спрятаться подальше от них под елку, как ее подхватили чьи-то сильные руки, и невысокий коренастый человек в красном кушаке и шапке, озорно смеясь и как две капли воды похожий на папу, закружил ее в общем хороводе: «Вот я тебя и нашел, Снегурка!»

Даша моментально забыла и про Альбома Альбомыча, и про ожившие игрушки. Так весело и хорошо ей стало вдруг! Розыгрыши и подарки, танцы и вкусное угощение... Праздник продолжался всю ночь.

Она даже не помнила, как в конце концов оказалась в постели и что ей снилось. И только под утро, внезапно проснувшись от какого-то неясного звука, вдруг вспомнила события, предшествовавшие новогоднему празднику. Как она могла забыть про своих новых друзей? Про Альбома Альбомыча и милые новогодние игрушки?

Выскользнув из-под одеяла и почти не дыша

от волнения, она на цыпочках опрометью кинулась в большую комнату, где стояла елка.

С улицы через окно светил фонарь, и в свете его елка казалась еще загадочней и нарядней. Но... Ни Альбома Альбомыча, ни тем более оживших игрушек нигде не было.

Даше стало нестерпимо грустно...

И тут она рассмотрела на одной из веток гирлянду из открыток. Да-да, тех самых, о которых рассказывал ей Альбом Альбомыч! Они не исчезли! Так значит, все, что происходило вчера вечером, было правдой?

...Под елкой лежал и сам старый семейный альбом в потертой обложке. Даша бережно подняла его. И, боясь уронить, крепко обняла и прижала к себе. «Праздник прошел, и ты снова превратился в альбом, — прошептала она своему новому – старому другу. – Но ты не переживай! Ведь я знаю теперь, какой ты умный. Как много всего знаешь. И в следующий раз обязательно расскажешь мне что-нибудь новенькое! Обещаешь?»

«Непременно, моя маленькая хозяйка!» - словно ветерок донес откуда-то слабый вздох с характерной картавинкой.

...Остаток ночи Даше снились исключительно рыцарские замки и красивые города, удивительные цветы и райские птицы. И сама она – в длинном шикарном платье, как у жены герцога Орлеанского, — танцевала старинный танец с галантным и стройным кавалером, чем-то неуловимо похожим – ну, на кого, на кого! – на Альбома Альбомыча, конечно же, и на папу.

И смешливые елочные игрушки тихонько переглядывались в этот момент и понимающе кивали друг другу. Особенно старались эти непоседы – шустрый Кролик из папье-маше и Красный Шар...

Собакокот или Сказка о Злом Айболите

Жил да был на свете доктор Айболит. Только был он не добрый, а злой и жадный. Такой злой, что придут к нему, бывало, дети с больными щенками и кошками, а он, даже не глядя, кричит им: «Неизлечимо. На живодерню». И адрес называет.

Дети, понятно, не слушают его. Купят лекарство и сами мало-помалу выхаживают своих дружков.

Но злому Айболиту неймется: сам ночью по дворам крадучись ходит и бродячих кошек – собак в мешок ловит: авось на живодерне награду дадут.

Надоело детям это терпеть. Собрались они как-то вместе и стали решать, что со злым Айболитом делать. Один одно говорит, другой – другое. Да все не то.

Тут одна самая маленькая девочка говорит: «А я знаю, что делать!» И что-то такое детям тихонько предлагает. Обрадовались они. И вот что из этого вышло...

Приходит как-то злой Айболит на работу, а больных-то у него нету. День нет, другой. Месяц. Вызывает его начальник. «Ты, говорит, такой-сякой, почему бездельничаешь?» И увольняет его. Испугался злой Айболит. Побежал по дворам хоть каких-нибудь больных кошек – собак искать. А они словно сквозь землю провалились. Никого. Разозлился он еще больше, а что делать?

Жена его тоже домой не пускает: кому хочется такого дармоеда держать? И до того

износился, опустился злой Айболит, рыжей щетиной оброс, что и сам стал походить не то на большую драную кошку, не то на собаку. Его даже узнавать перестали. Ходят люди вокруг, смеются: странный собакокот! Кто хлеба бросит, кто палкой побьет.

Крепко задумался злой Айболит. А тут еще холода наступают, того и гляди заболеешь да где-нибудь под забором помрешь.

Взмолился он: «Простите меня, дети! Был я злым и жадным. Исправлюсь».

Детям и поверить хочется, да боятся: вдруг злой Айболит обманет? Сколько он бед-несчастий их четвероногим друзьям принес.

Правда, накормили его, обстригли. Даже какого-то папы старую пижаму принесли.

Но, видно, настолько привык злой Айболит к бродячей жизни, что долго отвыкнуть от нее не мог. Пришлось для него выстроить во дворе теплую будку и солому туда постелить. Так и жил он в ней целый год. И если у кого кошечка или пес заболевал, консультации брали, как говорится, на месте. И помогало.

С тех пор очень изменился злой

Айболит. Его потом даже снова в лечебницу приняли. Не врачом, конечно. Ночным сторожем. Он и этому был рад. Времени было много свободного. Полюбил книжки читать. И самая любимая у него, говорят, была «Доктор Айболит» Корнея Чуковского. Он даже плакал над ней. Только от всех скрывал это.

Про Асю, Хема и волшебные бусы

Жила девочка Ася. Была она большая фантазерка и выдумщица. Глянет, бывало, зимой на улицу: на месте деревянных домишек точь-в-точь мужички-лесовички стоят. Шапки на них пушистые, снежные, на малахаи походят. И у каждого мужичка по трубочке. Они трубочками этими неслышно попыхивают да о чем-то своем толкуют. Так увлекутся и не заметят, что дым-то из трубочек их аж до самых до звезд дотянулся!

А все твердят: «Врунишка ты, Ася. Сплошные выдумки в голове».

Обидно Асе. «Да разве это выдумки? – думает она. – Вот старая электростанция, например. Ведь это замок двух злых волшебников Шума и Дыма. Они прячут от людей в сундуки чистый воздух, а мои друзья — бесстрашные воины – деревья – постоянно осаждают этот замок, чтобы волшебников тех убить. Я тоже хочу помогать своим друзьям, только не знаю, как...»

Один только Хем – геолог, бородач и силач – не дразнил девочку. «Ты верь в себя, кроха, – говорил. – Главное не увидишь глазами, зорко одно сердце». Да беда: Хем тоже был взрослым, и у него было много своих взрослых дел. Как бы то ни было, но необыкновенная эта история произошла именно с нашей Асей. Так что потом все сами смогли убедиться, что не такая уж она фантазерка и выдумщица.

Но обо всем по порядку. Однажды Ася топила дома печь и вдруг заметила, что из нее вылетел небольшой уголечек. Хотела Ася сунуть уголек

обратно, да не тут-то было: он ка-ак прыгнет на месте, и перед Асей явился – кто бы вы думали? – маленький, ну совсем малюсенький арапчонок. Малица на нем ярко-красная, вся горит, волосы черные, словно смоляные. И с синевой.

Зажмурила Ася глаза, а когда открыла, увидела себя в роскошном старинном замке. И свечи, картины кругом. А над головой – купол прозрачный, и звезды через него заглядывают. Красные, желтые, синие – разные. И так-то Асе хорошо!

Тут арапчонок подвел ее к какой-то красивой женщине.

– Вот, Матушка Природа, – поклонился учтиво, – та самая Ася, что любит Вас больше всех и защищает.

А Матушка Природа снимает тогда с себя бусы янтарные и ласково Асе их подает.

– Носи, – говорит, – Ася, эти волшебные бусы. Да только гляди, не потеряй. А что будет – сама увидишь...

И вмиг все исчезло: и замок, и женщина, и арапчонок. И сама Ася уже дома у себя, в кровати. А мама будит – не добудится ее, вот-вот включит свет.

– Зажги же скорей! – торопит ее Ася. – Ведь сейчас вместо лампочки распустится роза!

Только хотела мама поругать Асю за выдумки, глядь, а под потолком-то... Действительно, роза! Да, такая нежная, ароматная, глаз не оторвать.

В следующий момент произошло еще более неожиданное. На кухне Ася сказала про

холодильник: «Мой бедный белый Топтыжка! Тебя привязали на веревочку, и ты ворчишь?..»

И что же? На месте холодильника и впрямь уже сидел самый настоящий северный медведь, и бусинки-глаза его благодарно и грустно смотрели на Асю.

– Ух ты! – вырвалось у нее. И только тут она заметила на себе – да-да! –янтарные бусы. Те самые волшебные бусы, которые подарила ей (во сне?) Матушка Природа. Так вот, оказывается, в чем была их волшебная сила!

...На улице Ася остановилась возле замерзшей колонки, из которой медленно вытекала вода. Она тут же замерзала, образуя длинную рыжую «бороду». Ручка колонки была сломана и грустно смотрела вниз, странно напоминая большой крючковатый нос. «Бедный заколдованный гномик!» – пронеслось в голове у Аси. И в тот же миг на месте колонки она увидела милого рыжебородого гнома, который приветливо ей улыбнулся и вежливо снял свою голубую шапочку. «Родион-младший, гном, брат Лесного Родничка», – представился он. И уж совершенно легкомысленно замурлыкал Асе какие-то куплеты.

С тех пор город, где

жила Ася, словно помолодел. В нем стало больше счастливых людей, которые понимали друг друга. Ведь в этом им помогал Родион, когда наливал воду и пел свои забавные куплеты. Белый Топтыжка нянчил детвору, а Роза учила всех нежности и красоте.

Никто ни с кем не ссорился, все помогали друг другу. И совсем забыли о чуде. Люди так привыкли к нему, что считали, что так и должно быть.

Но вот однажды родители увезли Асю в другой город. И в суматохе она потеряла свои волшебные бусы. И все пошло по-старому. Так что когда Хем вернулся из экспедиции и захотел своими глазами увидеть то, о чем писал ему друг, то ничего этого не увидел: колонка оставалась обыкновенной железкой, из которой, горько всхлипывая, бежала рыжеватая вода, а в деревянном доме, где жила раньше Ася, ровно горела обыкновенная лампочка. Исчез и Топтыгин.

– Зачем ты пошутил со мной? – спросил огорченный Хем у друга. – Ведь я поверил тебе!

Но друг виновато пожал плечами: он в самом деле не знал, почему изменилось все вдруг.

Так и живут теперь в этом городе люди с глазами, полными ожидания исчезнувшего чуда, а геолог Хем улетел далеко на север, в экспедицию, и иногда в письмах к своему другу с иронией спрашивает, не стал ли тот наследником несметных богатств лорда Гамильтона...

А все гораздо проще. Ведь все дело в тайне

янтарных бус. Вот если бы кто-нибудь нашел их случайно. Или... Тайна тут все-таки в чем-то другом?

Голубая сказка реки Вои

Прошло много лет. Так получилось, что Ася вернулась в свой Город. Причем не одна. А со своей дочкой – Асей-маленькой. Вернулась и не узнала его. Ни розы вместо лампочек, ни добродушный Топтыгин, ни Родион-Родничок не встретили их там.

Каменные дворцы-терема незнакомые – с флюгерами, с остроконечными крышами-«шапками», множество разных машин, напоминающих разноцветных жуков – «Не подходи, жу-жу-жу, задавлю!» – окружали их. Это был одновременно ее и не ее родной Город.

– Здрасьте вам, – не удержалась дочка. – А ты говорила про каких-то старичков в шапках-малахаях, про их волшебные трубочки, которые дружат со звездами! Вон, – девочка ткнула пальцем в сторону бегущих авто, – эти, что ли, старички-то? Тоже пыхтят, шустрые какие! – и засмеялась.

Хотела Ася обидеться на шалунью, да передумала. Ну, в самом деле, как объяснить ей, что старого Города, в котором она жила когда-то, сегодня просто не существует. И дело не в том, что здесь появилось много нового, а в чем-то совершенно другом. В чем? Ася не знала и сама. Может, кто-то нашел тогда ее волшебные бусы? И поэтому все изменилось?

...Как-то обе Аси гуляли в осеннем лесу и любовались разноцветными листьями, которые причудливо лежали на земле и падали с деревьев. Странно, но все это невольно напомнило Асе дворец Матушки Природы. С его прозрачным куполом и веселым мерцанием звезд сквозь него. С каким-то

особым состоянием счастья и свободы, которые она не чувствовала после уже никогда.

– Тр-тр-тр! – в кустах рябины ссорились две сороки. – Не отдам! – послышалось Асе. – И я не отдам!

Сороки отбирали друг у друга какую-то вещицу. «Что бы это могло быть?» – Ася подошла поближе. Застигнутые врасплох пернатые кумушки бросились врассыпную, выронив из клюва то, из-за чего у них и разгорелся весь сыр-бор.

Бусы! Ася боялась поверить собственным глазам! На ветке рябины висели волшебные Бусы. Те самые, которые ей когда-то подарила сама Матушка Природа. Нет, они нисколько не потускнели от времени. Скорее, наоборот, стали еще прекрасней: в прозрачных янтарных бусинах переливалось солнце, и казалось, что в каждой из них живет какой-то удивительный невидимый народец, и каждая, как маленькая планета...

– Мамочка! – сзади неожиданно раздался голосок Аси-маленькой. – Это тебе! – Дочь протянула Асе забавные лесные бусики из рябины и шиповника, которые только что сделала сама. – Нравится? – Ася взяла подарок. Ярко-красные ягоды казались покрытыми лаком, настолько упругой и гладкой была их поверхность. Ася кивнула.

– А тебе, доченька, вот это! – улыбнулась она. И сняла с ветки янтарные бусы.

Глаза Аси-маленькой от неожиданности широко раскрылись. Она не знала, что и сказать. И молча стояла, внимательно рассматривая чудесную находку.

...Перед сном Ася-маленькая попросила мать: «Расскажи мне, пожалуйста, Твою Сказку. Ну, ты знаешь, какую...» И дотронулась рукой до янтарных бус на своей тонкой шейке.

И произошло чудо. Как когда-то давно, все закружилось вокруг, и наши героини очутились во Дворце Матушки Природы. В том же самом просторном зале со старинными картинами в золотых рамах и замысловатыми подсвечниками на стенах. И даже маленький Арапчонок в красной малице – да он не изменился нисколько! – словно вырос из-под земли и поклонился учтиво. Он поклонился еще раз и жестом пригласил своих гостей следовать за ним.

– Матушка Природа, – обратился он к Прекрасной Даме так же неожиданно, как Арапчонок, представшей перед путницами. – К нам снова пожаловала Ася, – он поправился. – Две Аси, большая и маленькая. – И мальчик сделал изящный реверанс.

Роскошная Дама взмахнула рукой. Потом она наклонилась к Асе-маленькой и молча прикоснулась к ее янтарным бусам. «Добро пожаловать! – с достоинством ответила она. И Ася остро почувствовала, что в ее голосе почему-то уже не было радушия и приветливости, как в прошлый раз. Ей стало неуютно.

– Присаживайтесь! – Хозяйка хлопнула в ладоши. И словно по мановению волшебной палочки, перед Асями выросли бамбуковые качели. Зеленые, с гладкими удобными подлокотниками. На спинке каждой качели, прямо из палочек бамбука, росли живые нежные цветочки, и казалось, что

маленький садик окружает каждую из гостей... Чудно!

И пока шла беседа, эти странные качели вырастали прямо на глазах. Так что когда Ася попыталась посмотреть вниз, у нее чуть не закружилась голова: все предметы показались ей не больше спичечной головки.

– Ты потеряла бусы, Ася, – строго сказала Матушка Природа. — А ведь они могли попасть в недобрые руки. И попадали. Заметила ли ты, как похорошел твой Город? А вот что-то доброе, светлое ушло из него навсегда? Прошу тебя: будь впредь внимательней к моему подарку. Иначе быть беде.

— А что я должна сделать, чтобы ты простила меня? – Ася выглядела просто несчастной.

— Пройди сквозь ушко на солнышко, – загадочно ответила Прекрасная Дама. И тут же исчезла. Куда-то улетучились и бамбуковые качели, и просторный красивый зал. Лишь милый маленький Арапчонок успел напоследок шепнуть Асе, что «пройти сквозь ушко на солнышко» на самом деле всего лишь – понять свое предназначение. Пройти сквозь «ушко» – познание, испытание – к озарению – к свету и солнцу.

Невидимый вихрь тут же подхватил обеих спутниц. Мгновение, и они уже снова очутились в своем Городе.

Но что это? Сплошная темнота окутывала их: ни огонька, ни фонаря, ни даже самого тусклого света не пробивалось ни откуда. Ася-маленькая прижалась ближе к матери: страшно!

И только тут они увидели у своих ног едва

различимых странных существ. Существа эти держали в руках таких же крохотных светлячков и, похоже, пытались что-то сказать нашим путешественницам. Одеты они были в темные балахоны, похожие не то на плащи, не то на пелерины. И в те моменты, когда они подносили светлячков ближе к лицу, было видно, что лица их настолько грустны и настолько усталы, что обеим Асям стало нестерпимо жаль незнакомцев.

– Вы что, гномики? – вырвалось у Аси-маленькой.

– Можно сказать и так, – ответил за всех, по-видимому, самый старший из всех коротышек. – Не бойтесь нас. Мы раньше были совсем другими. – Маленькие существа согласно закивали головками. – Пока жила наша Река и не пришли Другие Люди. Они спрятали нашу Реку под землю, в трубу. И нам ничего не остается делать, как день и ночь, ночь и день очищать ее от всякой грязи. Ведь под землей у нашей Реки нет больше таких друзей, как Солнце, Ветер, Деревья... Она осталась одна.

Главный коротышка помахал своим фонариком-светлячком, приглашая всех куда-то войти. И только тут обе Аси разглядели возле человечков какой-то узкий туннель, ведущий глубоко под землю. А сами они — о, чудо!

— стали ростом ну точь-в-точь, как их провожатый.

Воги – а именно так звали маленьких духов речки Вог – цепочкой, друг за другом вошли в свои владения, увлекая за собой и бесстрашных путешественниц.

...Сначала все шли в сплошной темноте, на ощупь, и лишь крохотные фонари в руках вогов слабо освещали путь, отбрасывая на стены туннеля фантастические тени. В какой-то момент Ася подумала, что этой нелегкой прогулке не будет конца. Как вдруг стены туннеля расступились, и перед вошедшими предстала необычная картина. Тысячи, нет, тысячи тысяч вогов усердно трудились на очистке какого-то ручейка. Совсем не похожего на настоящую Реку. Одни процеживали воду сквозь какие-то приборы, отдаленно напоминающие не то кулинарные сита, не то фильтры; другие в блестящих квадратных ведерках переносили отцеженную грязь и ил на длиннющий конвейер, змеей извивающийся по туннелю и теряющийся в его недрах... Работа не останавливалась ни на минуту. Воздух в подземелье был такой тяжелый, что Ася-маленькая даже зажала нос.

...Чем дальше путники продвигались вдоль подземной реки, тем больше удивлялись необычным находкам, которые извлекали из реки Вог их новые знакомые: гильзы от патронов, пули, даже консервные банки и чугунные утюги...

– Вот здесь, – старший вог показал на какой-то обрыв, – очень давно злые люди убивали своих братьев. А потом другие люди на этом же месте, вернее, над ним, построили шикарный Дворец. Здесь

они поют и пляшут. В такие дни мы прекращаем работу и просим их замолчать. Но люди не слышат нас.

— А утюги?

— Наша Река протекала через огромный овраг, в который по ночам одинокие женщины выбрасывали всякую рухлядь. Их мужья погибли, и им некому было помогать по хозяйству...

— А что же градоначальники?

— Они в то время штрафовали всех, кто выбрасывал мусор. Но не удосуживались определить места, куда люди могли бы уносить ненужное.

Ася-старшая грустно вздохнула. «Но ведь были у вашей речки, наверное, и светлые дни? – обратилась она к вогам. – Я, например, очень даже хорошо помню, когда летом здесь летали большие голубые стрекозы и величавые березки кокетливо смотрели на свое отражение в воде!»

Воги понимающе кивнули. «А еще мы катались здесь верхом на рыбках, – задумчиво продолжили они, – а зимой, когда Река покрывалась льдом, подсматривали за смешливыми ребятишками, которые здесь бегали на коньках. Как весело тогда смеялась и наша Река!»

Путники продвигались все дальше и дальше. В некоторых местах Река выходила наружу, и тогда их приветливо встречали другие воги. Более чистенькие и ухоженные. И лица у них были уже не такие усталые и грустные, как у их «подземных» собратьев.

– Вон там, недалеко от нашей Реки, жила Бабушка Сказка, – рассказывали они путешественницам. – Мы сами прилетали к ней –

оказывается, они еще умеют и летать! – и приносили ей самые свежие новости о нашей Реке. И Бабушка Сказка угощала нас вареньем из георгинов. Под окнами у нее рос целый георгиновый сад! И разрешала нам покататься чуть-чуть на калитке и голубых ставнях.

Сейчас на месте ее домика пустырь, и никто не знает, как здесь хорошо было когда-то...

* * *

...Долго ли, коротко ли шли наши герои вдоль исчезнувшей речки Вог, но путешествие их в конце концов завершилось. И тогда маленькие духи попрощались с обеими Асями и выпустили из рук своих светлячков, которые тут же, словно звездочки, блеснули и растворились в светлеющем небе.

Неужели наступал новый день? Ася-маленькая задумчиво потрогала янтарные бусы, и тут же мама с дочкой оказались дома. На своем любимом уютном диванчике. «Да уж не приснилось ли нам все это?» – думала каждая про себя. Но воспоминания о ночном путешествии были настолько ярки и свежи, как будто оно и не закончилось вовсе.

Ася-маленькая бережно взяла руку Аси. «Знаешь, – сказала она неожиданно, – кем я буду, когда вырасту? – И внимательней, чем прежде, посмотрела ей в глаза. – Я буду художником. Я буду показывать в своих картинах людям то, каким мог быть наш Город, если бы... если бы волшебные бусы не потерялись тогда случайно. Например, возле Дворца, в котором нельзя веселиться, я нарисую руку, вроде памятника, которая сжимает ромашку.

Это в память о погибших здесь людях. А на пустыре, где жила Бабушка Сказка, – что-то вроде маленького скромного фонтанчика, возле которого можно было бы отдохнуть в жаркий день. Ведь ее сказки были такими же простыми и светлыми, как он, и помогали людям, учили их добру. Я буду стараться искать дорогу к сердцам людей. И, может быть, когда-нибудь они все-таки захотят узнать, почему в моих картинах есть то, чего нет в жизни, и задумаются над этим? И Матушка-Природа простит нас за потерю?

...За окном пели птицы, робкий луч солнца едва пробивался сквозь тонкую занавеску. Наступал Новый день...

Белая сказка про ненарисованную картину

— Это было давным-давно, когда облака были розовыми и на них росли голубые цветы, – в картинной галерее Города, где жила когда-то Ася, -звучал чей-то Голос. В просторном зале, напоминающем пустую комнату, висело всего четыре картины. А свет луны, случайно падающий из окна, делал всю атмосферу этого места таинственной и почти неправдоподобной. К тому же ни посетителей, ни экскурсовода нигде не было. И странный Голос, доносившийся возле картин, казался скорее мистическим, чем реальным...

Сюжет первых трех полотен был одинаков – на них изображался Асин родной Город. И невидимый гид, переходя от картины к картине, то ли рассказывал невидимому собеседнику о том, что было изображено на них, то ли размышлял вслух с самим собой.

— ...Да, давно это было, – повторил Голос. – Так давно, что на месте, где позже появился Город, была сплошная вода. На сколько хватает глаз. И каждую весну, с юга на север, и каждую осень, с севера на юг, над этим местом пролетало семь журавлей. Шесть братьев и одна сестра-журавушка. Как-то устала сестра, стала просить братьев:

«Братья мои милые, братья разлюбезные! Устала я, боюсь, не долечу, давайте отдохнем...», а отдохнуть-то негде. И стали тут братья, любили они свою Журавушку очень, нырять в воду и доставать клювом землю со дна. Долго ныряли. И выросли на этом месте семь холмов. Священных холмов. Отдохнули на них усталые птицы и полетели дальше. Так, по легенде, появился Асин родной Город. И каждый год журавли находили в этом месте себе пристанище.

Но на первой картине, ты видишь, Города еще нет. Есть необъятные просторы, открывающиеся взору с одного из холмов. Да сплошной лес: зимой – в коралловом наряде, осенью – замысловатым разноцветным ковром бросающийся под ноги... – Чей-то Голос на мгновенье умолк. – Да, чуть не забыл, – невидимый собеседник смущенно кашлянул. – Видишь на стене волшебные янтарные бусы? Да, те самые... Не стесняйся, если хочешь, возьми их.

Первая картина неожиданно ожила. Зашелестели листвой тонкие березки, величавые кедры добродушно закивали им густыми зелеными кронами. А птицы запели так звонко и чисто, как будто только что выпили родниковой воды и от счастья и полноты жизни просто не могли молчать.

...Вторая картина была похожей на первую. Только в некоторых местах среди непроходимой тайги появились небольшие деревянные домики. Самые простенькие, без особых затей. Всей красоты-то – скромные наличники, похожие друг на друга, как близнецы.

Лунный свет отразился в янтарных бусах, они чуть-чуть вздрогнули, будто тронутые ветром, и...

Что это? Все ожило, заговорило, задвигалось на второй картине. Люди, лошади... В каждом дворе запереклика́лись неугомонные петухи. Стук многочисленных топоров и визг пил слились в одну длинную нескончаемую песню. А дым от костров и из печных труб тянулся до самых Звезд, и меняющиеся ежесекундно контуры его походили то на просыпающегося молодого великана, то на какое-то фантастическое существо. Розовые, сиреневые тона будоражили воображение.

Третья картина в Галерее была, пожалуй, самой странной и непонятной. Тот же Город, тот же пейзаж. Только спустя много, много лет. Сам холст словно невидимой линией разделен на две части. Левая – яркая, праздничная. Все здесь живет: по главной улице, словно по большой реке, плавно спускаются с нагорной части Города многочисленные машины, люди снуют по таким же многочисленным магазинам. А через улицу, вернее, над ней, построен красивейший и удобнейший легкий мост, и желающие лицезреть Город с высоты птичьего полета спешат сюда. Солнце разлито везде и во всем.

...А вот правая часть картины, которая была как бы продолжением всего того, что было изображено слева, казалась безлюдной и вымершей. И вечная зима окутала и взяла здесь в плен все: и саму улицу, и несколько одиноких машин, похожих на бездомных дворняг и сгорбившихся возле таких же одиноких домов. Безмолвие и странная, бесконечная

тишина окутали вся и все. Время остановилось. И этот седой, бесконечно седой цвет просто сводил с ума...

– Так ты все-таки не решился взять янтарные бусы? – Чей-то голос внезапно умолк. Прошла секунда, другая.

...И неожиданно в Картинной галерее раздался тонкий печальный пронзительный звук, похожий на звук оборвавшейся струны. И янтарные бусы, висевшие на стене, – оборвалась нить, связующая их, – стали медленно, бусина за бусиной, падать вниз. И падение их сопровождалось не то чьим-то всхлипыванием, не то горестным вздохом...

Лунный свет, отражавшийся в хрупком пространстве каждой бусины, похожей на маленькую планету, причудливо преломлялся. И казалось, что маленький забавный народец, живущий внутри нее, пытается вырваться наружу. И не может...

Только четвертая картина – чистая и непорочная – молча висела на стене. Ее совершенно не трогало то, что происходило вокруг. Ведь ее никогда не касалась рука Мастера. В нее никто никогда не вдыхал Жизнь. Странную, противоречивую, разную. Не вдохнул свою Душу. Мечущуюся, страдающую, но любящую. И какое ей было дело до того, что падают волшебные бусины и что может не найтись тот, кто когда-нибудь соберет их вновь... Картина была нема, никто так и не решился научить ее говорить.

Конец

Зюмазюбы и лесные жители

...Кто не знает в нашем лесу Зюму и Зюбу? Как? Вы не знаете? Так-так-так... Это, конечно, странно. Но тогда давайте быстрей знакомиться!

Зюма и Зюба – братья-близнецы. Маленькие шустрые пушистые зверьки, похожие немножко на бурундуков. Но и на белок тоже. И даже чуть-чуть на пушистых собак и кошечек. И когда их спрашивают: «Вы кто?», они, не задумываясь, хором отвечают: «ЗюмаЗюба». Поэтому некоторые в нашем лесу так до сих пор и думают, что ЗюмаЗюба – это не имена, а вид животного. «Ты куда пошел?» — «К зюмазюбам!» — «Поня-я-ятно!»

Зюма и Зюба – очень веселые и ужас как любят подурачиться. Поэтому с ними постоянно приключаются забавные истории. Какие? Ну, слушайте!

Как Зюма помог Ежишке-Торопыжке

Однажды Ежишка-Торопыжка пошел нарвать цветов, чтобы подарить их своему другу Зюме. Ах, какой красивый у него получился букет! Васильки, васильки и одна ромашка. Словно среди тучек солнышко выглянуло.

Но не зря же Ежишку прозвали Торопыжкой: торопился он на обратном пути, подскользнулся и сломал, бедняга, ногу.

Тут уж не до гостей. Увезли его в лесную больницу, наложили на сломанную ногу гипс. Птица аист на одной ноге, да и только. И стал наш Ежишка

пилюли разные глотать, на костылях ходить да грустные думы думать: ну, кому он такой калека нужен? Ни в догонялки с ним поиграть, ни в чехарду.

Узнал об этом его друг Зюма. Сразу же бросил все дела и решил навестить больного. Но ведь просто так в больницу не пойдешь, надо для поправки и хорошего настроения больного что-нибудь вкусненькое принести, и вообще...

— Принеси ему молока с творогом, — посоветовала Зюме его соседка корова тетушка Мумука. – В них ценный витамин есть, кальций называется. Он для того, чтобы кости быстрей срослись – в самый раз!

— Да ну тебя, Мумука! – рассердился Зюма. – Подумаешь, невидаль — молоко с творогом! Тут надо чего-нибудь, чего-нибудь...

Зюма задумался. «Что-нибудь необыкновенное! Чтобы настроение у Ежишки улучшилось, чтобы он смеялся, не останавливаясь, и не думал про свою больную ногу».

Сказано – сделано. Рассказал Зюма о больном Ежишке брату Зюбе. «Подари ему собаку!» — серьезно сказал Зюба. «Какую собаку?» - не понял Зюма. «Самую обыкновенную. Чтобы она его развлекала и защищала». – «Да где ж я ее возьму?» Зюба почесал за ухом и вдруг подпрыгнул: «А давай ты собакой и будешь! Завьем тебе хвост колечком, оденем ошейник. Лаять ты и так умеешь».

«Уж нет, — не очень довольный идеей брата отозвался Зюма. – Раз ты придумал, ты собакой и будь!»

И вот спустя какое-то время в палате, где лежал Ежишка-Торопыжка, появилась странная парочка: всем известный Зюма и... очень похожий на его брата Зюбу субъект. Только почему-то все время передвигавшийся на четырех лапах, с загнутым колечком хвостом, схваченным прищепкой-репейником и в ошейнике из плюща.

— Привет, Зюма! Привет, Зюба! – обрадовался приходу друзей Ежишка.

— Привет, привет! – ответил ему Зюма.

А субъект, похожий на Зюбу, вдруг стал раскатисто лаять и загребать передними лапами.

— Что с тобой, Зюба? – испугался Ежишка.

— Это не Зюба, а твоя собака, — невозмутимо поправил его Зюма. – Она будет верно служить тебе и поможет быстрее выздороветь!

Зюба для верности тявкнул еще раз. И, как ни в чем не бывало, улегся возле кровати больного на коврике.

Когда же Зюма ушел, Зюба потянулся и сказал Ежишке своим настоящим голосом:

— Что же ты все лежишь и лежишь, Ежишка? Давай поднимать настроение!

— Настроение? А как?

— Как-как? Например, дрессируй меня. Говори: «Дай лапу!»

— Ну, дай лапу.

— Разве так дрессируют? Ты должен просить у меня лапу, а затем, когда я тебе ее дам, угощать меня чем-нибудь вкусненьким. Есть у тебя что-нибудь вкусненькое?

Ежишка указал на столик, где яркой горкой

лежали конфеты и фрукты, принесенные ему другими зверями.

«Ну вот, – удовлетворенно повторил Зюба. – После того, как я дам тебе лапу, ты должен в благодарность за это меня чем-нибудь угостить. Это и называется дрессировкой. Понятно?»

Ежишка кивнул. Дрессируемая «собака» оказалась на редкость способной. Буквально за полчаса яркая горка из конфет и фруктов на столике Ежишки уменьшилась ровно наполовину. А еще через какое-то время и вовсе растаяла.

— Ох! – отдувался порядком располневший Зюба. – Как же тяжело и ответственно быть дрессируемым! Зато мы с тобой, Ежишка, подняли настроение. Правда?

— Правда, — от души смеялся повеселевший Ежишка, вовсе не жалея сладостей, которые он скормил своей «собаке».

Фотограф Беляля

Однажды Зюма и Зюба решили поздравить свою тетушку Зуфу с днем 8-го Марта. Они никак не могли придумать, как бы это сделать поинтересней. Цветы они ей уже дарили, пирог стряпали... Нет! Тетушку Зуфу надо было определенно чем-нибудь потрясти. Ну, и за одним, конечно, порадовать!

— Эврика! – крикнул вдруг Зюба, осененный внезапной мыслью. – Мы подарим ей свою фотографию и напишем на ней добрые слова.

Зюма сразу же согласился. Он даже представил, как тетушка Зуфа поставит эту фотографию в красивую рамку и будет каждое утро

любоваться на своих ненаглядных племянничков. Зюба обязательно сфотографируется в любимой ковбойской шляпе с пестрым платочком на шее, а Зюма – в белой рубашке с галстуком.

Все утро братья приводили в порядок свой гардероб – найти сразу что-либо в их чудесном домике было невозможно, — и только к вечеру они были готовы идти сниматься к фотографу – орлану-белохвосту Беляле.

Вообще, Дядюшка Беляля был очень популярен среди лесных жителей. Он не только прекрасно фотографировал их, но и знал массу всевозможных забавных историй, которые якобы случались с ним. В правдивость этих историй не всегда верилось, но рассказчиком Беляля был отменным, а потому лесные жители с легкостью прощали фотографу все его «художественные вольности».

Еще Беляля был замечательным кулинаром и мечтал когда-нибудь издать свою книгу с редкими рецептами и собственными иллюстрациями к ним. Фотографии к будущему альбому и рецепты были разбросаны по всей его фотомастерской. И если к нему кто-нибудь приходил, не пообедав, то не

удерживался, чтобы не прихватить с собой красивую картинку с какой-нибудь сдобной булочкой или рецепт. Так что будущая поваренная книга Беляли все переносилась и переносилась на неопределенные сроки.

Когда нарядные Зюма и Зюба вошли к Беляле, тот спал крепким сном за своим компьютером. Как всегда, вокруг царил творческий беспорядок из фотографий, рецептов и «аппетитных» картинок.

— Дядюшка Беляля! – хором тихонько позвали фотографа братья. Тот не реагировал. «Дядюшка Беляля!» – повторили громче Зюма с Зюбой. Беляля повернулся на другую сторону и громко захрапел. Что делать?

Расстроенные братья уже собрались уходить, несолоно хлебавши, когда вдруг Зюба предложил: «Давай напишем Дядюшке, что мы у него были...» «А зачем?» — не понял Зюма. «Просто так. Ему же приятно будет, что к нему заходили гости».

Братья подыскали более-менее подходящую бумажку – она оказалась с каким-то рецептом – и между строк, в чистых местах, написали: «Заходили мы. Ты, Дядюшка, спал, и мы не стали тебя будить. Мы придем еще. Наверное, завтра».

Зюма и Зюба полюбовались на свою работу и вполне удовлетворенные ею положили записку возле Беляли.

Дома они передумали фотографироваться, а взяли краски и нарисовали друг друга на одном листе бумаги. Сверху они написали: «Тетушке Зуфе от Зюмы и Зюбы». Потом, немного поразмыслив, добавили: «С праздником!»

Когда Беляля проснулся, он долго не мог понять, где он. За окном было уже темно, а в свете мерцающего экрана компьютера перед ним лежала странная записка. Вот ее содержание: «Заходили мы. Гренки с вареньем. Ты, Дядюшка, спал. Надо нарезать тонкие гренки из белой булки, намазать густым вареньем, соединить по два, обмакнуть в... И мы не стали тебя будить. Яйцо, разболтанное с молоком. Мы придем еще. Наверное, завтра. Осталось все поджарить на масле».

Беляля в недоумении повертел записку в крыльях, покачав головой: «Пора кончать с боевиками! А то и не такое напишешь!» И, выключив компьютер, побыстрей пошел спать.

Коварство Дурелопа

На день рождения Зюбы ему подарили замечательные кроссовки. Ах, как давно Зюба мечтал по-настоящему заняться спортом! Но самым замечательным в этих кроссовках было то, что они могли квакать и крякать. Как, спросите вы. Да очень просто.

Например, когда Зюба стоял без движения, молчали и кроссовки. Но стоило ему только сделать шага два, как один кроссовок издавал квакающий звук, а другой – «крякал».

Зюба был просто в восторге от подарка. Сначала он бегал по всему лесу, демонстрируя всем свое богатство и пугая необычными звуками. А когда ему это надоело, он начал прыгать. Сначала

на одной ноге, потом на другой. Потом на двух сразу. При этом Зюба в такт прыжкам подпевал себе, и, в конце концов, у него получилась вот такая забавная песенка:

Мой подарок самый лучший,
Ква-ква-ква да ква-ква-ква.
Мой подарок самый шустрый,
Кря-кря-кря да кря-кря-кря.
Догони меня, попробуй,
Ква-ква-ква да кря-кря-кря!
Улечу я уткой в небо,
Ускачу лягушкой я!

В конце концов, Зюба так надоел всем своим квакряканьем, что они выгнали его подальше от своих домиков.

Обиженный Зюба уселся на пеньке и горько заплакал. Это было несправедливо! Разве он

виноват, что у него такой веселый и необыкновенный подарок? И потом – разве можно именинника обижать в его самый светлый день?

— Нет счастья в жизни! – сказал, вставая с пенька, обиженный Зюба. И направился куда глаза глядят. А глаза его глядели сначала в землю, потом на деревья, а потом – в даль, где, блестя на солнышке, располагалось большое болото – владения страшного крокодилища Дурелопа.

— Да, да! – рассуждал Зюба. – Раз я никому не нужен, пусть меня съест Дурелоп. – И, подойдя к болоту, он стал высматривать крокодила. В его глазах горела неистребимая жажда мести этим бездушным Мумукам, Зюмам и Белялям.

В это время Дурелоп дремал в соседних кустах: он только что пообедал и вовсе не хотел есть. Забавные звуки, доносившиеся из леса, разбудили и насторожили его. Но когда он понял, в чем дело, ситуация настолько рассмешила его, что он выполз из убежища и вполне миролюбиво сказал Зюбе: «Ты же хочешь покататься по болоту, Зюба?» «С ветерком?» — уточнил обрадованный Зюба, тут же забывший свой мстительный замысел.

— С ветерком, с ветерком! – облизнулся Дурелоп. – Влезай ко мне на спину, и я покажу тебе свои владения!

Бедный, маленький, глупый Зюба! Он и представления не имел, что в мире нет никого коварнее Дурелопа! И что одно дело быть живым, но с грустными мыслями, и совсем другое —

подвергать себя смертельной опасности, будучи веселым!

Как по твердому мостику, взбежал Зюба на спину крокодилу и довольный собой – вот уж никто не поверит, что он катался по болоту на Дурелопе! – задорно крикнул тому: «Трогай!»

Дурелоп бесшумно вошел в воду и стремительно выплыл на середину болота:

— Ну что, Зюба, нравится?

Зюба кивнул, едва переведя дух. Место, где он только что встретился с Дурелопом, казалось отсюда совсем-совсем маленьким: деревья – не выше кустов, кусты – почти травой.

— А что, Зюба, ты и плясать в своих новых кроссовках умеешь? – ласковым голосом спросил Дурелоп. – Я страсть как люблю танцы. Особенно чечетку.

Зюба покраснел от гордости: чечетку-то он как раз и разучивал недавно в танцевальном кружке. И их учитель Дядюшка Жора-Журавель очень даже хвалил его.

Зюба набрал в грудь побольше воздуха и что есть мочи начал выбивать на спине Дурелопа всякие дробушки. При этом его веселые кроссовки так немилосердно квакали и крякали, что буквально оглушили крокодила. От неожиданности он, как ошпаренный, торпедой пронесся по болоту кругов десять, а на одиннадцатом буквально взмолился:

— Зюба, подожди, постой! Дай мне передохнуть! Я тоже хочу так же плясать, как ты!

Но глупый маленький Зюба даже и не

догадывался, что вероломный Дурелоп замышляет обмануть его. Зюба перестал выписывать ногами кренделя и, весьма довольный собой, уселся на спине крокодила. «Да пожалуйста! – великодушно заявил он. – Я даже дам тебе на время свои необыкновенные кроссовки! Плыви к берегу!»

Этого-то Дурелопу и надо было. Ему уже надоело валять дурака с этим простаком Зюбой. Да и проголодался он порядком, накручивая по болоту круги с пляшущим на нем зверьком.

Дурелоп быстро пришвартовался к ближайшим камышам, и как только Зюба спрыгнул на землю, льстиво сказал ему: «Ой, милый Зюбочка! Боюсь, у меня не хватит таланта выучить чечетку! Да и старый я стал. И слышу, и вижу плохо». Он устало развалился на спине и притворно закрыл глаза.

Великодушный Зюба стал снимать свои кроссовки, чтобы самому одеть их на крокодила, ведь Старому Дурелопу, даже когда он отдохнет, трудно будет это сделать, рассуждал он.

В этот момент пролетавший мимо Дядюшка Беляля увидел, что еще мгновенье, и бедолага Зюба будет заживо проглочен кровожадным Дурелопом вместе с квакающими и крякающими кроссовками.

Камнем кинулся он вниз и буквально выдернул-спас ничего не понимающего Зюбу из пасти хищника. Вот, правда, кроссовочки – гордость и радость Зюбы — Дурелоп-таки успел проглотить.

И когда наступила ночь, лесные жители с удивлением услышали, как с болота доносятся

странные звуки, напоминавшие не то стон, не то кряканье утки и кваканье лягушки. Это в желудке Дурелопа с трудом переваривались кроссовки Зюбы. А сам он ужасно ворчал и сердился на «черствость и неблагодарность» своего недавнего гостя.

* * *

Ну, вот, друзья, вы и познакомились с Зюмой и Зюбой. И если они вам понравились и захотелось продолжить с ними дружбу, нет ничего проще: пишите им письма! Братья вам обязательно ответят и расскажут о себе еще какие-нибудь новые забавные истории.

Вы не знаете их адрес? Тогда запоминайте: Долина Чистых Ручейков, третий домик справа под красной черепичной крышей с трубой. Зюме и Зюбе.

Письмо обязательно запечатайте в конверт и положите в дупло старого кедра. Да! И не забудьте наклеить на конверт марку, иначе не дойдет. Договорились?

Конец

Содержание:

Волшебная мелодия
стр. 7

Булькин Дневник,
или В стране Муравьев
стр. 17

Сахарная Принцесса,
Капитан Шуриков и другие
стр. 37

Путешествие открытки,
или Необыкновенные
приключения Дашутки
стр. 53

Собакокот,
или Сказка о Злом Айболите
стр. 65

Про Асю, Хема
и волшебные бусы
стр. 69

Голубая сказка реки Вог
стр. 74

Белая сказка
про ненарисованную картину
стр. 85

Зюмазюбы
и лесные жители
стр. 90

Издание документально-художественное
Захарова Галина Владиленовна
Сказки города Детства

Редактор Г.В. Захарова
Компьютерная верстка Г.А. Чемакина
Корректоры А.Ю. Дубасова, Е.Н. Раца
Художник-иллюстратор Е.Ю. Юрин

Подписано в печать 15.08.2011г.
Формат 60х84/16. Бумага мелованная.
Гарнитура JournalC. Печать офсетная.
Тираж 250 экз. Заказ № 2832

100-00

425222011
Государственная библиотека Югры

Об авторе

Галина Владиленовна Захарова (Винник) родилась 26 февраля 1955 года в городе Ханты-Мансийске Тюменской области. Литературным творчеством начала заниматься еще в школе.

Первая публикация появилась в печати в окружной общественно-политической газете «Ленинская правда».

Галина Захарова – член Союза журналистов России с 1998 года.

Она – участница окружных конкурсов журналистов; победитель конкурса «Спортивная элита – 99» (номинация «Лучшая спортивная акция в окружном и муниципальных СМИ 1999 года»); лауреат конкурса спортивной журналистики «Олимп» (номинация «Спортивная история Югры» (2008 год); имеет диплом лауреата Ш окружного конкурса «Журналист года – 2009» в номинации «Лучший журналист года печатных СМИ в жанре художественной публицистики», других. Является автором книг: «Звезды югорского спорта», «Живое дыхание времени», «Бережность», «Услышать тишину», «Уроки жизни Юрия Созонова»; автор (слов и музыки) «Гимна югорскому спорту» (диск «Поет юность Югры»), является соавтором нескольких коллективных сборников.

Живет в Ханты-Мансийске, работает редактором отдела учреждения Ханты-Мансийского автономного округа «Редакция журнала Югра». В 2010 году ей было присвоено почетное звание «Заслуженный деятель культуры Ханты-Мансийского автономного округа – Югры».

«Сказки города Детства» – ее новая книга.